

18+

Ева Дреянде

ИРИЙ

ХРОНИКА ЛАДЫ

Ева Дреянде

Ирий. Хроника Лады

«Издательские решения»

Дреянде Е.

Ирий. Хроника Лады / Е. Дреянде — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624886-1

Что если смешать жизнь 45-летней бухгалтерши Лады с самобытностью деревенской глубинки? Что если невзрачный незнакомец, неожиданно свалившийся ей на голову, окажется потерявшим память волшебником, а на пороге возникнет забытый одноклассник, появление которого заставит вспомнить трагедию давно минувших дней? Что скрывает дымчатое зеркало? Кто такие Хранители? Сможет ли Лада решить все загадки, спрятанные в лабиринте памяти? И к чему приведет ее эта обычная история, начавшаяся с нечаянной встречи?

ISBN 978-5-00-624886-1

© Дреянде Е.
© Издательские решения

Содержание

Книга I	6
Глава 1	6
Часть 1	6
Часть 2	9
Часть 3	11
Часть 4	12
Часть 5	15
Часть 6	20
Часть 7	21
Часть 8	22
Часть 9	23
Часть 10	24
Часть 11	26
Часть 12	28
Часть 13	30
Часть 14	33
Часть 15	35
Часть 16	38
Часть 17	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирий. Хроника Лады

Ева Дреянде

Екатерина Михайловна Шрейбер *Дизайнер обложки*

Юлиана Королёва *Иллюстратор*

© Ева Дреянде, 2024

© Екатерина Михайловна Шрейбер, дизайн обложки, 2024

© Юлиана Королёва, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0062-4886-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга I

Глава 1

Часть 1

Лада медленно шла по улице, разглядывая витрины, которые сияли всеми цветами радуги в начинающих сгущаться сумерках. Мелкий тёплый дождь даже не моросил, а, казалось, висел в воздухе, от чего приходилось не идти, а как будто плыть сквозь него. Ей нравилась такая погода. Тепло, влажно, воздух наполнен летними ароматами, озоном и запахом скошенной травы. В последнее время служба городского хозяйства ревностно следила за газонами, их стригли на разный манер, придавая улицам обычного промышленного городишки немного лаконичной красоты и уюта.

Запах скошенной травы будил детские воспоминания: деревенские каникулы у бабушки, парное молоко из крынки, колодезную вкусную воду, от которой ломило зубы, такая она была ледяная.

Так сложилось, что сегодня Лада оказалась свободной. Дети разъехались по институтам, слава богу, оба сумели поступить на бюджет в хорошие учебные заведения областной столицы. А муж уже давно сгинул на просторах необъятной страны. Вспоминать его не хотелось, но в такую погоду, когда город завесила пелена дождя, голова была свободной от переживаний за детей, рабочий день закончился, а дома ждала непривычная тишина, первым в её мыслях проявился именно Борис.

Муж ушёл от них, когда близнецам едва стукнуло три года. Сказал, что устал, скован по рукам и ногам. Мол, ему нужно идти дальше, а он прозябает в этой дыре. Куда конкретно собирался двигаться, Борис не сказал, но однажды, вернувшись с работы, Лада его не застала, как и вещей, и денег, скопленных за последние несколько лет на покупку небольшого загородного участка. Честно сказать, она даже не расстроилась, настолько они были чужими. Деньги? Ну что ж, будем считать, что откупились. Как оброк выплатила за свободу.

Ещё через пару лет ей пришло извещение о разводе. Как Борис сумел повернуть это при наличии двух несовершеннолетних детей, ей знать не хотелось. Однако сейчас под стук падающих с карнизов капель Лада подумала именно о муже. Странно, не было в душе ни зла, ни обиды на него. Как будто прошёл человек по её судьбе попутчиком, а на развилке каждый отправился своей дорогой. Где-то в глубине она даже чувствовала благодарность: за детей, за опыт, за появившуюся с годами мудрость. Пусть живет с миром.

Лада свернула к набережной. Редкие прохожие прогуливались парочками. Предыдущий мэр восстановил парк на берегу реки, оборудовал его детскими площадками и спортивными уголками, превратив некогда запущенный пустырь, на который и днем-то ходить было страшно, в прекрасное место для отдыха горожан. И хотя некоторые, вечно недовольные, ворчали, мол, сколько денег угрохали, набережная стала гордостью жителей и пользовалась популярностью.

Идти было приятно. Под ногами хрустел разноцветный гравий. Аллея для прогулок уже засияла светом фонарей причудливой формы. По выходным они приходили сюда с близнецами, чтобы покататься на роликах, съесть дорогое вкусное мороженое, сидя в кафе на берегу реки.

Дети. Лада не знала, что у неё будет двойня. Не разглядели врачи второго ребенка на первом УЗИ, а позже она уже не ходила на прием. Жила в деревне у бабушки под присмотром

местного фельдшера. В один из дней вдруг почувствовала себя не очень хорошо и, испугавшись, вернулась в город, упросив Бориса отвезти её сразу в больницу. Тут-то и выяснилось, что у неё близнецы и уже пора ложиться на сохранение.

Дети появились на свет, когда на улице завывала вьюга, мороз стоял ниже сорока градусов. «Снеговички получились», – смеялась бабушка. Похожие внешне, сыновья были совершенно разными по характеру. Виктор – заводила, мозг всех шалостей, генератор идей, двигатель и деятель. Олег же, напротив, тихий, исполнительный, но при этом имеющий своё мнение, что не мешало ему боготворить брата, защищать от наказаний, часто абсолютно заслуженных.

Лада любила сыновей. Они были её отдушиной в серой, монотонной жизни. Как две маленькие искорки от новогоднего фейерверка. Яркие, взрывные, шумные. Конечно, приходилось много работать, не получалось проводить с ними много времени, от этого каждое мгновение было ценным. Слава богу и бабушке: парни росли самостоятельными, с ранних лет умели устроить свой быт, не стеснялись общаться со взрослыми. Многие коллеги удивлялись, глядя, как Олег здраво рассуждал в свои неполные пять лет, тогда как их дети ещё говорили и вели себя как малыши. Лада гордилась ими. Всегда!

Впереди показались огни речного трамвайчика. Странно, неужели работают так поздно? Вспомнился выпускной: родители устроили детям сюрприз, арендовав кораблик почти на всю ночь. Тот рассвет Лада запомнила, как самый счастливый момент её заканчивающегося детства.

А на следующий день она стала взрослой... Мучительно быстро. Придя домой утром, Лада застала лишь остывающие угли, оставшиеся от их большого дома, серый пепел, летающий в воздухе, и виновато озирающихся, косо поглядывающих на неё соседей. Не было ни сараев, ни конюшни, ни собачьей будки, ни любимого амбара. Злые языки огня вылизали их участок дочиста.

Лада уже плохо помнит, как прошла следующая пара дней до приезда бабушки. Какие-то люди постоянно ходили вокруг, что-то спрашивали, просили подписывать бумаги. Весь мир казался враждебным, ненастоящим, хрупким. Она забилась в «раковину», не разговаривая, не плача, чтобы не сорваться в истерику от ужаса и страшной действительности. А соседи судачили и шептались за спиной, мол, ненормальная, любой другой уже бы выл, а девчонка молчит да затравленно зыркает на всех, как волчонок.

Бабушка приехала ночным поездом, но Лада сбежала из детского приёмника, чтобы встретить её. Увидев маленькую, кряжистую фигуру, деловито шагающую по платформе навстречу, весь страх, сдерживаемый внутри, вырвался наружу потоком горьких слёз. Они сидели на скамейке в темноте железнодорожной станции, бабушкина тёплая рука успокаивающе поглаживала Ладку по спине, не останавливая, не утешая, давая время выплакать всё до конца, до последней капли, чтобы ужас вымылся из души, освобождая место тому, что позволит жить дальше.

Речной трамвайчик приветливо погудел немногочисленным горожанам, прогуливающимся во влажных сумерках. Некоторые, также как Лада, с удивлением потянулись к трапу. Весёлый, молодой матрос лихо соскочил на берег и принялся объяснять, что сегодня им неслыханно повезло, потому что у баркаса столетний юбилей, в честь которого решено устроить ночную прогулку для всех желающих. Лада понимающе улыбнулась и даже заговорщически подмигнула парню. Уж она-то знала: этой посудине было гораздо меньше лет. Скорее всего мальчишка-студент решил немного подзаработать себе на карман, пока начальство не видит.

Заплатив за билеты, все поднялись на палубу и разбрелись по местам, подальше друг от друга. Такой вечер располагал к размышлениям в одиночестве или романтическим вздохам, глядя на звёзды, зажигающиеся на тёмно-синем небе и отражающиеся в чёрной воде. Тучи, заплакав все слёзы, как она когда-то, растаяли, открыв взору невероятно чистые, словно отмы-

тые, созвездия. Казалось, что трамвайчик скользит по Млечному пути, окружённый миллиардами блестящих точек.

Мама любила кататься на баркасе. Он напоминал ей о питерской юности, когда они с отцом познакомились. Поэтому каждое воскресное летнее утро устраивалась семейная, речная прогулка. Мама одевала своё красивое, летящее платье, панаму с широкими полями и туфли на высоком каблуке. Вставала на носу, воображая, что трамвайчик – это, как минимум, огромный круизный лайнер, шутила и напевала: «Жил отважный капитан», хитро поглядывая в сторону отца, который улыбался в ответ, стоя за штурвалом. Было столько любви в их глазах, что многие завидовали им в те моменты.

Баркас медленно рассекал глянцевые воды, тихо, без всплесков, ему тоже было что вспомнить. Одно время они с ним дружили. Лада всегда хлопала его по борту при встрече и разговаривала, если никто не видел, доверяя тайны, о которых не знал даже брат.

Про Юрку вспоминать было больно до сих пор. Порой, когда очень хотелось выговориться, она ехала на кладбище и сидела у могилы. Говорят, в ночь пожара брат остался в конюшне. Их кобыла грозила ожеребиться, он переживал и не хотел её бросать, да так и сгинул в огне вместе с ней. Юрка был особенный, замкнутый с людьми, но добродушно открытый в общении с детьми и животными. Поэтому возле него постоянно роилась ребятня разного возраста, с удовольствием внимающая его рассказам о лошадях, коровах, а также жирафах и другой заморской живности.

В семье никогда не замечали его странности, они просто были и всё, но злые соседские языки, нет-нет, да кидали что-нибудь оскорбительное в сторону брата. Мама, если слышала, плакала, спрятавшись от всех, а отец белел лицом, но в перепалки никогда не вступал. Говорил, что бесполезно давать в морду за невежество. А вот Лада часто кидалась с кулаками на обидчиков брата. Вся детвора знала, что Юрка под её защитой, даже взрослые парни уважительно поглядывали на неё, решительно закрывающую брата, без страха стоящую перед огромными старшеклассниками.

Речной трамвайчик, сделав круг, причалил к набережной. Звёзды отступили, словно испугались городских огней, стали почти незаметными, блёклыми, как воспоминания, которые тускнеют с течением времени, уступая место чему-то новому. Пассажиры ночной прогулки разбежались по освещённым дорожкам парка. Лада тоже направилась к ближайшей автобусной остановке. На предпоследний рейс она уже опоздала, а до последнего оставалось полчаса, поэтому можно было не торопиться.

В их семье было не принято торопиться. Отец всегда учил грамотно распределять своё время, не тратить его впустую. Коллеги порой удивлялись, как Лада всё успевает и никогда не опаздывает, а для неё это было обычным делом. Отца она очень любила, даже скорее боготворила. Он стал эталоном мужчины, по которому Лада равняла всех встречавшихся на её жизненном пути. Борис по этой шкале не дотягивал даже до сорока процентов, но она была реалисткой и понимала, что второго такого, как отец, вряд ли найдёт. Просто знала, если выбрала мужа, меньше, чем наполовину, оправдывающего ожидания, то нечего надеяться на стопроцентную отдачу.

Лада уже почти дошла до автобусной остановки. Дорожка из гравия резко оборвалась, уткнувшись в кусок старого выщербленного асфальта. Почему-то этот факт напомнил, как отец любил столярничать. Он сам построил дом, каждый наличник выпиливал, покрывал какими-то специальными составами, казалось, колдовал над ними. После работы никогда не сидел без дела: сажал деревья вдоль дороги, ремонтировал крышу в старой школе, чинил стулья и кровати в стационаре, где работала мама. Ему не платили, просто просили по-человечески, и отец помогал. «Потому что кто-то должен это делать», – говорил он соседу, который крутил пальцем у виска, искренне не понимая, зачем горбатиться за бесплатно.

Бабушка тогда так и не смогла добиться правды. Все понимали – был поджог. Не могли дом и все пристройки сгореть одномоментно, так быстро, что ни люди, ни животные не успели выскочить. Знали, подозревали чьих рук дело, но молчали, прятали улики и в результате списали на несчастный случай. Потом землю купил местный бизнесмен и построил один из первых в городе торговых центров. Хорошее было место, прибыльное, но пропахшее дымом и кровью. Лада с бабушкой туда не ходили. На вырученные деньги купили небольшую двухкомнатную квартирку на окраине города, подальше от того района.

Автобусная остановка освещалась одной обычной лампочкой, которая раскачивалась на проводе, иногда искрила, обещая вот-вот перегореть. Её свет рождал причудливые тени, жутковатые порой. На скамейке внутри остановки кто-то заворочался, Лада испуганно отшатнулась. Пьяниц она побаивалась. Однако характерного запаха, сопровождающего алкашей, не почувствовала. Из темноты послышались невнятное бормотание и тихий шелестящий шёпот, как будто зовущий на помощь. Набравшись смелости, Лада шагнула под крышу остановочного комплекса.

Сначала показалось, что на скамье лежит груда тряпок, но она заворочалась, и стало понятно: человек. Мужчина неопределённого возраста с трудом приподнял опухшие веки, с мукой уставившись на Ладу и беззвучно открывая разбитые в кровь губы. На бомжа он не походил. Одежда хоть и плохонькая, но чистая и опрятная. Похоже, нарвался на местную шпану, промышлявшую мелкими грабежами. Скорее всего не местный, раз связался с ними. Жители знали: проще отдать деньги, чем оказаться на больничной койке. Говорят, заводилой у них был сын местного олигарха, поэтому не могла доблестная полиция их приструнить.

Вдали показались фары последнего автобуса. Лада решительно подошла к незнакомцу, подхватила за подмышки, закинув его руку к себе на шею. С трудом подняла, поблагодарив небеса, что тот оказался весьма среднего сложения. Ввалившись в двери, она поймала удивленный взгляд шофёра Толика. Они вместе учились в школе, даже сидели за одной партой в начальных классах. Толя списывал у неё математику и русский язык, а Лада у него – природование. Повезло, другой водитель мог запросто высадить таких подозрительных пассажиров. Одноклассник, закатив глаза, покачал головой, словно говоря: «Опять ты, Ладка, ерундой занимаешься!» Но, главное, не выгнал, уже хорошо. Незнакомец притулился у окна, угрюмо глядя в темноту снаружи.

Её дом стоял недалеко от конечной остановки. Лада заранее направилась к водителю, чтобы оплатить проезд, но Толик махнул ей рукой, мол, не надо, всё равно уже в гараж еду. Она благодарно кивнула, взвалила своего неожиданного попутчика на плечи, и они вышли на ночную улицу, где, как обычно, не горел ни один фонарь.

Часть 2

Лада проснулась рано. Птицы после вчерашнего дождя расщебетались от всей своей птичьей души. Квартира была на последнем пятом этаже, поэтому окна никогда не закрывались. Кого бояться-то?

Улица звалась Советская, располагалась на самой окраине и упиралась последними домами в лес. У Лады из окна виднелся кусочек опушки, радующий всё лето цветным разнотравьем. Пока была жива, бабушка любила эту комнату, подолгу смотрела в лес, вспоминая свою деревню. Её не стало пять лет назад. Незадолго до смерти она продала дом и переехала к ним. Говорила, что одни они у неё остались, не хочет доставлять проблем с оформлением наследства после смерти. Поэтому все вырученные за дом деньги разделила на три части и открыла Ладе с сыновьями банковские счета, не принимая никаких возражений с их стороны.

Птицы надрывались, словно у них был конкурс на самого голосистого. Небо умылось вчерашним дождем и сияло яркой лазурью. Лада сбросила одеяло, потянулась, спрыгнула с кро-

вати. Сделала несколько несложных упражнений, разминая сонные мышцы, накинула халатик и побежала на кухню. На пороге она застыла: там во всю кипела работа.

Вчерашний незнакомец стряпал блины, ловко переворачивал их, подкидывая в воздух. Никто, кроме отца, так не умел. Порядочная стопка уже лежала на тарелке, в блюдечке белела сметана, чайник радостно пыхтел, сообщая, что вскипел. Мужчина оглянулся и весело подмигнул опухшим глазом.

– Доброе утро. Простите, решил угостить свою спасительницу завтраком.

Честно сказать, Лада напрочь забыла про незнакомца. Вот ведь недотёпа, привела непонятно кого домой, оставила на ночь, да ещё и забыла. «С ума сойти с тобой можно», – посетовал в голове бабушкин голос.

Странно, ещё вчера в холодильнике было «шаром покати». Откуда её гость разжился продуктами для кулинарии? В магазин что ли успел сбегать? Ничего себе она поспала, даже не слышала шагов и хлопанье двери.

Лада залезла в огромный шкаф, который они между собой называли амбаром, потому что там хранилось то, что не использовалось, но выкинуть было жалко. Достала оттуда джинсы, футболку и толстовку Бориса и протянула мужчине: «Возьмите, это лучше, чем то, что на Вас сейчас». Тот взял без разговоров и ушёл в ванную переодеваться. Лада медленно накрывала на стол, задумчиво расставляя чайные чашки, стопку блинов водрузила в центре, налила гущёнку и клубничное варенье в любимые бабушкины пиалы, тарелочку со сметаной – между ними. Любуясь прекрасным утренним натюрмортом, подняла глаза, в дверях стоял незнакомец. Он уже переоделся и выглядел совсем по-другому, моложе что ли. Где-то ближе к пятидесяти, отметила про себя Лада. Мужчина был чуть выше и худощавее бывшего мужа, поэтому джинсы оказались коротковаты и чуть мешковаты, но всё же лучше, чем прежнее одеяние.

– Отлично, – улыбнулась Лада, – давайте завтракать.

В этот момент кто-то позвонил в дверь. Странно, так рано никто не приходил. Удивление было не меньшим, когда она открыла дверь: за порогом стоял Толик.

– Привет, – смущённо улыбнулся он, – решил проверить, как ты после вчерашней поездки.

Незнакомец выглянул из кухни и, добродушно улыбаясь, двинулся в их сторону.

– Доброе утро! А оно действительно доброе, раз ещё один мой спаситель здесь, – мужчина с благодарностью пожал протянутую Толей руку.

– Ребята, давайте чай пить, – спохватилась Лада. – Толик, заходи, мой гость столько блинов напек: нам одним не съесть. Кстати, как Вас зовут? – обернулась она к незнакомцу.

– Не помню, – радостно засмеялся тот.

– Совсем? Вообще ничего? – удивился Толик.

Они уже уселись за стол, и Толя по-хозяйски разливал чай. Как-то само собой получилось, что он взял в руки табурет, мимоходом подкрутил ножку, постоянно раскручивающуюся, усадил гостя и Ладу, налил чай, долил воду и снова поставил чайник на огонь, потому что одной кружкой разговор явно не ограничится.

– Совсем не помню. Кажется, было что-то жужжащее в имени. Зачем в город приехал не знаю, но понимаю, что не отсюда я, – улыбка гостя потухла, отчего лицо сразу осунулось, постарело, стало казаться, что ему не меньше ста лет.

– Мы сегодня с Вами к бабе Нюре ходим. Она как раз на дежурстве, – успокаивающе похлопала его по руке Лада. – Надо Вас осмотреть, вдруг сотрясение.

– В больницу? – незнакомец даже посерел от страха. – Нельзя мне к врачам. Совсем нельзя.

– Не бойтесь, баба Нюра – наш человек. Посмотрит, но не выдаст, – Толик подмигнул гостю, и тот успокоился, снова посветлел и помолодел.

Удивительные метаморфозы в его облике не остались незамеченными, Толя и Лада удивленно переглянулись.

– Нам надо Вас как-то звать, – задумчиво произнесла она, – может Женя?

– Пусть Женя, – закивал мужчина.

Завтрак прошёл весело. Толя вспоминал их школьные годы, оказывается, там было много забавных случаев. После смерти родных школьные воспоминания отодвинулись так далеко, что казалось: всё это было не с ней. Слушая Толика, Лада оттаивала, смеялась от души. Женя хлопал себя по коленям и немного притопывал, когда заливался удивительно задорным, детским хохотом.

Потом Толя засобирался на смену, сказав, что сейчас только принесет Жене другие брюки. Они с мамой жили в соседнем доме. Женщина часто болела, возможно, поэтому одноклассник до сих пор ходил бобылём. Распрощавшись с ним, Лада прибрала кухню, переделалась в любимые джинсы, забрала волосы в хвост и крикнула Жене, что они идут к бабе Нюре.

Часть 3

Стационар городской больницы располагался в соседнем квартале. Постройки постсоветских времен утопали в зелени парка, окружавшего всю территорию. Раньше считалось, что больным полезно выходить гулять по дорожкам и дышать свежим воздухом. Это сейчас больницы строят в центре, среди асфальта и бетона, в окружении автостоянок. Даже окна не открыты: пахнет бензином, гарью и фастфудом.

Лада любила приезжать сюда, когда мама работала здесь терапевтом. Её все знали с малых лет, поэтому некоторые приветливо кивали. Громовой голос бабы Нюры они слышали издали. Она снова распинала какую-то нерадивую молодую уборщицу за «кривые руки» и «пофигизм». Увидев Ладу, баба Нюра всплеснула руками и, как ледокол, рассекая воздух, ринулась навстречу, раскрыв руки для объятий. Сграбастав свою «маленькую оладушку», как она её звала, косо посмотрела на Женю.

– Что-то староват хахаль-то у тебя.

– Баб Нюра, – смущённо пробормотала Лада. Её всегда вгоняли в краску Нюрины словесные обороты. – Ушибленный он. Вчера братва Кешина, похоже, отметелила так, что имя не помнит.

– А ты, конечно, пожалела, как всегда, – нахмурилась медсестра. – Ну иди сюда, больной, посмотрю на тебя, коли Оладушка просит.

Женя всё это время стоял в стороне, любопытно крутил головой, счастливо улыбался, приветливо махая рукой пожилой парочке и молодому парню без ног, лихо раскатывающему на инвалидной коляске по дорожкам.

– Добрый день. Приятная погода сегодня, не правда ли?

Баба Нюра, которую никто не мог сбить с толку, опешила.

– И, вообще, день обещает быть замечательным особенно для Вас, – Женя многозначительно посмотрел на пожилую медсестру.

– О чем он, баба Нюра?

– Да вот, не возьму в толк, что бормочет, – вдруг смутилась она. Затем решительно взяла Женю за руку и потащила к себе в сестринскую.

В стационаре баба Нюра работала с шестнадцати лет. Образования у неё не было, однако даже уважаемые доктора прислушивались к её словам. Говорят, Нюрина бабка, жившая в ближайшей деревне, слыла потомственной знахаркой. Лечила скотину и людей, собирала травы, ставила настойки и знала разные заговоры. Похоже, Нюре передалось то чутьё. Видела она болячки, а мелкие даже могла исцелить. Дослужилась здесь до старшей медсестры, поэтому имела отдельный кабинет, вернее сказать, комнату. Здесь же и жила.

Затащив Женю к себе, баба Нюра принялась ощупывать его с макушки. Крючковатые, крепкие пальцы бежали по телу, не пропуская ни единого сантиметра. Дойдя до пяток, снова вернулась к голове. Было видно, что-то её беспокоит, но непонятно что. Мужчина с интересом наблюдал за манипуляциями, как ребёнок замирал, когда коварные пальцы подбирались к подмышкам, и начинал хихикать от щекотки, пока Нюра грозно не шикала на него.

– Сотрясение небольшое есть, но оно проблем не доставит. Траву дам, в чай клади, от головокружений, – короткими фразами выдала она заключение. – В остальном всё на месте, но что-то не поддается мне твой организм, Евгений. Какой-то блок стоит, как защита что ли. Ты из каких мест родом?

– Не помню, – нахмурился Женя, – и разом словно постарел.

– Вот дела, – удивленно пробормотала медсестра, увидев такую резкую перемену.

– Ты тоже заметила? Мы с Толей сегодня тоже опешили от такого, – заговорщически прошептала Лада.

– С каким таким Толей? – баба Нюра быстро переключилась на более понятную тему. – Толька-водила что ли? – увидев смущение своей Оладушки, медсестра громко захохотала. – Неужели разглядела наконец, дурёха?

– Что разглядела? Он мне с Женей помог просто, – начала оправдываться Лада. Вечно баба Нюра её кому-то сватала. – Толик – хороший парень, помог по-соседски.

– Ой, дурёха, – вздохнула пожилая женщина. – Почему за бестолкового замуж, не спрашивая, выскочила, а хорошего в упор не видишь?

Зная, что разговор на подобные темы может продолжаться долго, Лада схитрила.

– А про что Женя упоминал, когда говорил о замечательном дне?

Баба Нюра вдруг неожиданно покраснела, затеребила край медицинского халата.

– Сын у меня сегодня приезжает. Уж лет двадцать как обиду держал, что отца прогнала, а тут вдруг написал, что приедет. Переживаю, как бы с моим языком чего опять не ляпнуть.

Лада не знала, что ответить. Она вообще не знала, что у их Нюры есть сын.

– Всё будет хорошо, не переживай, – вдруг раздался Женин голос. – Ты добрая, хоть и громкая, шумишь по делу. Сын простил давно, только не знал, как подступиться, гордый, в тебя весь. – Лицо гостя снова светилось детской непосредственностью.

Попрощавшись и пожелав бабе Нюре удачи, Лада с Женей немного прогулялись по больничным аллеям. Так много воспоминаний было связано с этим местом.

Уже выходя из парка, Евгений вдруг метнулся куда-то в кусты и вывел мальчишку лет семи. Тот ревел, размазывая слёзы на грязном от земли лице. Из путанного рассказа выяснилось, что он пришёл с братом к отцу, который лежал в стационаре. Брат ушёл, чтобы вывести больного на прогулку, а младшему велел сидеть и ждать. Но мальчишка увидел забавного, лохматого щенка и побежал за ним по парку, в результате потерялся. Женя погладил плачущего ребёнка по голове, щелкнул пальцами, и в его руке появился леденец. Удивившись, сорванец перестал лить слёзы и доверчиво потянулся за конфетой. Взяв недотёпу за мокрую ладошку, Лада повела его по центральной дорожке, наказав внимательно рассматривать гуляющих. Примерно через пять минут на них выскочил подросток лет шестнадцати, ошарашенно оглядывающийся по сторонам. «Стёпа, я здесь!» – завопил пацан и кинулся ему навстречу.

– Люблю, когда всё хорошо заканчивается, – улыбнулся Женя.

Братья благодарно помахали им и отправились в другую сторону.

Часть 4

Как-то само собой получилось, что они решили прогуляться по городу. Погода стояла отличная, на дворе был выходной, особых срочных дел не планировалось. После дождя повылазила новая зелень, мелкие цветочки мелькали в траве то тут, то там. Трудолюбивые пчёлы

жужжали над ними, а бестолковые мухи просто делали вид, что летят по своим, очень важным, делам.

Женя шагал рядом, неторопливо перебирая ногами, иногда останавливаясь и осматривая то, что заинтересовало, а любопытным было всё: старая береза с огромным дуплом, муравейник, словно прилепленный к пню, электронный самокат, домофон, рекламный щит, на котором текст бежал по экрану. Было смешно наблюдать, как Женя шёл за движущимися буквами и заглядывал за щит, пытаясь понять, куда они пропадают. Лада чувствовала себя лёгкой и счастливой, как в детстве, когда гуляла с отцом и братом по городу с холодным сладким мороженым в руке. Увидев торговую точку с изображением эскимо, она купила себе и гостю по вафельному рожку. Так они и шли, счастливые, свободные, слизывая сладкие капельки подтаявшего мороженого с хрустящих стаканчиков.

Незаметно для себя дошли до набережной. Шагнув на гравий, Женя стал прислушиваться к каждому шагу, иногда останавливаясь и катая каменные шарики ногой. Потом внезапно напрягся, словно гончая, почуявшая добычу, и вприпрыжку помчался в сторону реки. Лада бежала следом, боясь его потерять. Выскочив из тени аллеи на солнечный свет, она зажмурилась с непривычки.

Речной трамвайчик, как всегда, притулился бортом к понтонам. На берегу стоял вчерашний мальчишка-матрос в окружении Кешиной братвы. Сам Иннокентий вальяжно сидел на детской качели. Парень был очень красив, Лада даже залюбовалась им. Яркий шатен, тщательно расчесанные волосы лежали волной, правильные черты лица, в меру накаченное тело, стильная дорогая одежда. Всё в нём было прекрасно, кроме характера.

Женя уже стоял рядом с нахмурившимся матросом, лицом к быковатым парням, угрожающе наступавшим на них. Кеша зло ухмылялся, раскачивая ногой в такт одному ему слышимой музыке.

– Привет, Кеша, – Лада уверенно и невозмутимо подошла к детской площадке и улыбнулась главарю, как обычно, тепло, без тени иронии или упрёка.

– О, добрый день, тётя Лада, – ухмылка вмиг слетела с надменного лица Иннокентия, и оно стало обычным, даже немного растерянным, как у ребёнка, которого внезапно застали врасплох в момент шалости.

– Что тут происходит? Надеюсь, у моих друзей нет проблем? – она кивнула в сторону Жени и студента.

– Это Ваши друзья? Простите, не знал. Нет, у нас нет проблем, было лишь несколько предложений, вот, к нему, – Кеша махнул рукой на матроса, – но думаю, что мы их уже обсудили.

Банда, ухмыляясь, отступила и направилась вглубь аллеи, повинувшись знаку своего главаря.

– Как дела, Кеша? Давно не заходил, – Лада по привычке взлохматила каштановые волосы повзрослевшего мальчишки, ненароком заметив, как он замер от этого жеста.

– Всё как обычно, тётя Лада. Отец занят бизнесом, а мать, – тут Иннокентий недобро оскалится, – мамочка у нас в Швейцарии, лечит расшатанные нервы. Интересно только, где успела расшатать...

– Учишься?

– Да, отец отправил в супер-пупер ВУЗ в Москве, но мне совсем не нравится. Не мой профиль.

– Я помню, ты говорил, что хотел работать машинистом и водить поезда в разные уголки страны. А потом, вдруг, задумал стать лётчиком и летать в дальние страны, где жителям нужна помощь, потому что они очень бедные.

– Ага, – развеселился парень, – ещё вспомните, как я мечтал выучиться на водителя мусоровоза, потому что он водит огромную красивую машину. Мать тогда имитировала глубокий

шок. Ребёнок-мусорщик – кошмар! – при упоминании матери Кеша вновь посерел лицом. – Пойду я, тетя Лада, приятно было увидаться.

– Кеш, – Лада взяла его ладони в свои и подула на них тихонько, как делала маленькому мальчику, имевшему лишь одно желание: быть любимым родителями, – заходи к нам, я настряпаю твоих любимых оладушек.

Парень печально смотрел на нее, не вырывая рук.

– Я приду, тетя Лада.

– Обещаешь?

– Да, – он развернулся и медленно пошёл за своей удаляющейся шайкой.

Господи, как сейчас хотелось догнать его, обнять, прижать к себе и пообещать, что всё будет хорошо.

– Что с ним не так? – тёплая Женина ладонь легла на плечо.

– Он хороший, но заброшенный. Когда-то очень хотел помогать людям, особенно тем, кто потерялся, болен или голоден. Часто с моими мальчишками волонтерили в стационаре у бабы Нюры. Знаешь, любому ребёнку необходимы родительская любовь и одобрение. Но его матери нужны только деньги отца, а сын всегда был способом их достижения. В школе я пыталась поговорить с Алексеем, отцом Кеша, но ему всё время некогда, дел много, бизнес большой.

Лада смотрела вслед уходящему парню, красивому, богатому, но такому несчастному и одинокому.

– Раньше он часто к нам забегал, а потом визиты стали реже.

– Ему стыдно, – пробормотал задумчиво Женя. – Стыдно – это хорошо, значит, не всё ещё потеряно.

– Может быть, но нет того спасательного круга, что вытянул бы его из этой пучины безысходности, в которую он себя втянул, – Лада ещё раз окинула взглядом уже опустевшую дорожку и развернулась к баркасу, где до сих пор маячил юный матрос. Студент явно их ждал, с нетерпением переминаясь с ноги на ногу. Улыбнувшись, она направилась к парню.

– Привет, капитан. Что стряслось-то у вас? Что с Кешей не поделили?

– Меня не поделили, – слышалось с палубы баркаса. По трапу спускалась грациозная девушка. Её красота, казалось, осветила и без того яркую поляну. Матрос подал ей руку, в его взгляде было столько нежности и обожания, что Лада даже фыркнула, но, посмотрев на Женю, челюсть которого тоже стремительно скатилась вниз, многозначительно покачала головой.

– Спасибо, Коля, – как ни в чём не бывало прошептала принцесса.

Да, именно так её называли все в городе. Ника была дочерью мэра. Лада видела иногда заметки в местной прессе, на европейский манер извещающих о светской жизни «королевской» семьи. С пелёнок каждый день этой девочки освещался в местных СМИ. Рассматривая Нику, Лада пыталась понять, что та из себя представляет. Необыкновенно красивая блондинка, невысокая, худенькая, с короткой стрижкой, «рваные» пряди спадают на лицо, ещё не растерявшее детскую пухловатость. Взгляд же, на удивление, серьёзен. При такой кукольной внешности Лада ожидала увидеть в глазах нечто другое, но в них светилась целая вселенная, как будто перед вами не маленькая принцесса, а мудрая женщина, прожившая на белом свете не одну сотню лет.

– Ух ты, – первым восторженно выдохнул Женя, – какая ты красивая!

Принцесса в ответ лишь поморщилась, как от зубной боли.

– Знаете, иногда хочется быть менее красивой и совсем незаметной. Я даже волосы обстригла, чтобы совсем на куклу не походить, – в её голосе послышалась горечь.

– Разве Кеша за тобой приходил? – включилась в разговор Лада. Эта девочка начинала ей нравиться.

– У нас отцы ведут общий бизнес, вот мой и попросил приглядеть за мной. Говорит, что нечего шататься чёрт знает где и общаться с электоратом. Это он Колю имел в виду, видимо, донёс кто-то, что мы дружим.

Матрос после таких слов покраснел от ушей до самой макушки.

– Что плохого в дружбе? – Женя крутил головой, словно обращаясь сразу ко всем, наивно хлопая глазами как большой ребёнок.

Все трое пожали плечами, не зная, как объяснить немолодому уже человеку казалось бы элементарные вещи о том, что общество почему-то всегда делится на ранги, касты, сословия, классы, и переходить границу между ними крайне болезненно, а порой невозможно. Тот, кто пытается это сделать, объявляется бунтарём, и на него начинается охота, чтобы принудительно вернуть заблудшую душу на место.

– Странно, почему люди не могут просто поговорить друг с другом? Это же так просто – сесть и поговорить, понять и принять, – Женя тяжело вздохнул и покачал головой. Он вдруг снова превратился в столетнего старика, сетующего на глупую молодёжь. – Вот Кешин отец не понимает, и Никин тоже.

Смышлёная Ника сразу обратила внимание на метаморфозы в Женином облике, от чего её брови поползли вверх от удивления. Вопросительно глянув на Ладу и получив такой же взгляд в ответ, принцесса громко хлопнула в ладоши и пропела: «Вся наша жизнь – игра!»

– Не будем грустить, пойдёмте лучше прокатимся по реке. Сегодня такой прекрасный день!

Коля, лихо махнув на палубу, дал длинный гудок, от звука которого все печальные мысли рассыпались в прах. Женя, словно очнувшись от сна, радостно засеменял вверх по трапу.

– Станный он у Вас. Бабушка таких называла «блаженные», – тихо сказала Ника и пошла следом за ним.

Речной трамвайчик легко оторвался от набережной и побежал по зеркальной глади реки. Крикливые чайки, как ворчливая свита, сопровождали их. Женя радовался от души, махал людям, прогуливающимся по берегу, кормил птиц невесть откуда взявшимся хлебом, заливи-сто смеялся, когда Ника рассказывала небылицы о местах, которые они проплывали, и внимательно слушал об истории местных народов. Оказывается, принцесса училась на историческом факультете и всерьёз увлекалась местной хроникой.

Надо же, как часто мы судим о человеке по внешности и газетным заголовкам, – думала Лада, наблюдая за девушкой.

Часть 5

День близился к вечеру. Покинув баркас, Лада и Женя направились на автобусную остановку, заключив по дороге пари о том, будет ли за рулем Толик. Честно говоря, она уже позабыла об утреннем визите одноклассника, таким насыщенным оказался день. Но Женя внезапно спросил: «Как думаешь, Толя будет за рулем?»

– На рейсе работает несколько водителей, вероятность небольшая, что он будет именно в этом автобусе.

– Давай поспорим, – хитро улыбнулся гость.

– А на что будем спорим? – не осталась в долгу Лада.

– На желание. Если Толя окажется в автобусе, то я загадываю, а если нет – ты, – в его глазах плясали смешливые искорки, как будто он заранее знал ответ.

– Договорились, – подмигнула она с азартом.

Из-за поворота показался белый автобусный лоб. Блики на стекле не давали разглядеть шофера. Никогда ещё Лада не ждала рейс с таким интересом, воодушевлённо улыбаясь. Двери раскрылись. Уже поднимаясь в салон, она поняла, что проиграла. Ступеньки были те же самые,

по которым ночью они карабкались с Женей. Мужчина быстро заскочил в пустой салон и, как мальчишка, поскакал в сторону водителя. Оттуда высунулась лохматая Толина голова.

– Ух ты, привет, соседи. Решили снова меня порадовать? – его лицо расцвело от искренней улыбки. Лада приветливо помахала в ответ и села у окна.

– А я выиграл! – счастливо выдал Женя.

– Да ну? Во что играли?

«Ой, как неудобно сейчас получится», – закрыв глаза подумала Лада. А Женя, как ни в чем не сомневающийся ребёнок, гордо произнес: «Мы спорили. На желание. И я выиграл».

– Повезло, – почему-от печально вздохнул Толик, мельком взглянув на Ладу, – используй своё желание с умом.

Автобус тронулся с места и медленно покатился по улице. Лада любила ехать вечером, глядя в окно. То тут, то там зажигались витрины магазинов. Манекены превращались в жителей некоего зазеркалья. Ей всегда казалось, что они поворачивают голову и смотрят вслед прохожим, а ночью, когда никто не видит, обсуждают дневные новости.

После вчерашнего дождя обрадованная зелень сияла чистотой. Деревья, уже уставшие от летней жары, в августе начинали снова оживать, словно пытались насладиться последними нежаркими, но теплыми днями перед приближающейся осенью.

– Здорово как! Тихо, – подсел к ней Женя.

Автобус почему-то медленно двигался по улице. В воздухе витала какая-то музыка: то ли где-то играл уличный музыкант, то ли радио у Толика. Лада почувствовала умиротворение, внезапно захотелось увидеть родителей, да так невыносимо сильно, что слёзы полились из глаз сами собой.

– Всё будет хорошо! – прошептал на ухо тихий Женин голос.

Доехав до нужной остановки, автобус остановился. Лада наскоро вытерла глаза тыльной стороной ладони и направилась к выходу.

– Доброго вечера, Лада, – Толик вынырнул с водительского места и помахал рукой.

– Пока, Толя, – Лада благодарно ему улыбнулась, только сейчас понимая, что он специально ехал медленно, как будто знал, как она любит вечерний город. – Спасибо за экскурсию. Женя, пойдём, – оглянулась назад и опешила, потому что тот, как ни в чём не бывало, сидел на прежнем месте, не собираясь никуда уходить.

– Помнишь? Ты должна мне желание, – нахмурившись, пробурчал он, как капризный мальчишка, надув губы.

– Помню, конечно.

– Так вот, я хочу доехать до Толиного гаража и посмотреть, как паркуют городские автобусы.

– Толь, мы можем это сделать? – смиренно вздохнула Лада, обращаясь к однокласснику и втайне надеясь, что тот откажет. Но водитель хитро посмотрел в сторону Жени, подмигнул Ладе и заверил, что будет только рад.

– Давайте так, я сдам смену, мы вместе вернёмся домой, и вы зайдёте к нам. Мама будет очень рада, ведь для нас гости – большая редкость.

– Ура! – захлопал Женя в ладоши. – Отличный план! Лада, Ладочка, ну не будь букой, давай сходим.

Со стороны ситуация показалась Ладе такой забавной, что она всплеснула руками и искренне рассмеялась.

Вечер действительно выдался прекрасный. Обратно возвращались уже в свете фонарей. Толя травил какие-то шофёрские байки. Женя доверчиво слушал, открыв рот. Лада просто шла и наслаждалась августовскими сумерками, наполненными чириканьем неугомонных птиц, светом, струящимся из открытых окон. На душе было мирно и тихо, что уже давно с ней не случилось.

Улица Советская встретила их темнотой. Лишь над Толиным подъездом горела одинокая лампочка. Лада вспомнила, как однажды соседка посетовала, что на улице только один настоящий мужик живет, способный вкрутить лампу, Анатолий, сын Валентины. Она оглянулась на одноклассника и моментально встретила ответный взгляд. Отчего-то смутилась, хотя в её-то возрасте надо бы разучиться это делать.

– Ты молодец! – голос чуть дрогнул, но Лада быстро взяла себя в руки, – В других подъездах никто не догадался свет наладить. Только ходят и вздыхают, или ругаются. А всего-то и надо – взять и вкрутить.

Толя только махнул рукой, соглашаясь с ней.

С приближением к двери Толиной квартиры Ладины сомнения о разумности визита росли. Возможно, больная пожилая женщина будет неприятно удивлена их приходом. Словно почуяв неладное, сосед быстро открыл дверь, приглашая их войти, а сам направился в глубь квартиры, громко крикнув: «Мам, мы пришли». Женя, скинув свои кроссовки, засеменял следом. Лада осталась одна посреди тёмного, чужого коридора, придавленная чувством вины за поздний визит.

Зачем, ну зачем, она только согласилась. Так невежливо напрашиваться в гости, надо было остановить Женю, объяснить. В висках забился метроном, предвещающий мигрень, как всегда, в минуты сильных душевных терзаний и переживаний. Лада суетливо открыла сумочку в поисках спасательной таблетки. Если сразу не выпить, то бессонная ночь обеспечена. Лекарство не находилось, коварная сумка выскочила из рук и с глухим стуком упала под ноги. Нехитрые женские мелочи разлетелись, как осколки, в разные стороны. От обиды слёзы брызнули сами собой, откуда-то из груди поднималась волна жалости к себе, такой неотёпе.

– Лада, что случилось? – прошелестел тихий Толин голос где-то над ухом. – Почему не заходишь?

И так нестерпимо ей стало себя жаль, что она вдруг уткнулась в незнакомое, пахнущее бензином и нагретой на солнце рубашкой плечо и заревела навзрыд, как маленькая девочка, потерявшая что-то бесконечно дорогое. Так они и стояли в темном коридоре. Толя молча поглаживал плачущую Ладку по голове, иногда перебирая прядки, как отец когда-то. Не утешая, а просто давая выплакаться.

– Прости, развела сырость, сама не пойму, что на меня нашло, – через пару минут, успокоившись, пробормотала Лада. – С возрастом сентиментальной душой становлюсь, даже неудобно перед тобой.

Она отстранилась от соседа, не смея взглянуть на него.

– В следующий раз, когда захочется поплакать, приходи к нам, – в его голосе почувствовалась улыбка. – А теперь давай-ка, Ладушка-оладушка, умываться и к столу. Мы уже заждались.

Толя быстро собрал рассыпанные вещи в сумочку, взяв Ладку за плечи, подтолкнул её к ванной комнате, включил свет, а сам отправился на кухню ставить чайник.

Холодная вода обожгла раскрасневшееся лицо. Оказывается, оно пылало от стыда. Зеркало над раковиной продемонстрировало распухшие от слёз глаза, шмыгающий нос. Господи, дура, ну что же она за дура. Надо же было так себя подставить с этой дурацкой сумкой. Ещё раз сполоснув лицо и аккуратно промокнув его полотенцем, Лада сделала три глубоких вдоха и решительно вышла из ванной, направившись в комнату. Там, судя по восторженным взглядам Жени, что-то происходило.

Квартирка была небольшая, обычная двухкомнатная хрущевка, но чувствовалось, что хозяева любят свой дом. В коридоре стояла тумба для обуви, на её боках красовались выпиленные чьей-то умелой рукой сказочные мотивы. Противоположная стена вообще заставила Ладку охнуть от удивления: на ней висело огромное, во весь рост, зеркало в оправе, словно собранной из разных коряжек, веточек, шишек, да так ладно детали были притерты друг к другу, что

казалось: раму вырастили в таком виде. Сразу вспомнилось: «Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи: я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?»

Из комнаты вынырнул Женя.

– Лада, ну, где ты ходишь? – но, увидев её восхищённый взгляд, он понимающе подмигнул.

– Скажи, здорово! Сразу видно, мастер делал. А знаешь кто? – и не дожидаясь ответа, хлопнув себя по бокам, выдал, – Толя. Пошли скорее, я тебе ещё его работы покажу, закачаешься, – Женя схватил её за руку и потащил в комнату.

Толину маму, Валентину Михайловну, Лада не видела достаточно давно. Когда они учились в школе, она состояла в родительском комитете и запомнилась очень активной, весёлой женщиной. С удовольствием ходила с классом во все походы, участвовала в подготовке школьных конкурсов и праздничных мероприятий. Кем работала Валентина Михайловна, никто не знал, казалось, что Толина мама была свободна в любое время суток.

Отец Анатолия погиб рано, вспомнилось, как в седьмом классе во время какого-то урока в кабинет заглянула классный руководитель и вызвала Толю. После чего он собрал вещи, вышел, а обратно вернулся только спустя пару недель с потухшим взглядом.

Раньше Валентина Михайловна всегда шутила, что её муж – главный пожарник города, потому что его вызывали на каждое серьёзное возгорание, как будто не могли без него обойтись. Последний пожар оказался роковым. Толин отец спасал детей, от страха забившихся под кровать, когда взорвался газовый баллон, который, как позже выяснилось, стоял на кухне.

«Странно, – думала Лада, – прошло каких-то двадцать пять лет, а те события, как и вся школьная жизнь, словно присыпаны архивной пылью, забыты и спрятаны. Хотя, именно там были друзья и беззаботное счастье». Тут Лада очнулась от мыслей и осознала, что стоит посреди комнаты, рассеянно глядя на Валентину Михайловну.

– Ох, простите, пожалуйста, – виновато ойкнула она, – сегодня вся в своих мыслях. Добрый вечер, мама Валя, – улыбнулась сидящей в кровати женщине.

– Здравствуй, Ладушка. Помнишь ещё школьное прозвище? Давно меня так не называли.

Трудно было узнать в этой худенькой, словно прозрачной, седой старушке их энергичную «маму Валю». Только блеск в глазах остался прежним, да звонкий смех, который заражал своим задором.

С кухни появился Толя, неся большой резной деревянный поднос с конфетами и пряниками. Женя лихо подвинул журнальный столик к кровати, а также пару низких кресел.

– Толя, давай мой любимый сервиз достанем. Давненько он свет не видывал, – Валентина Михайловна раскраснелась от радости, снова превратившись в прежнюю маму Валю, деловито отдающую команды бестолковым школьникам.

Пока все суетились, расставляя красивые фарфоровые чашки, накрывая на стол, Лада потихоньку ходила от стены к стене, разглядывая фотографии. Их было много: одни старые чёрно-белые, пожелтевшие от времени, другие – сравнительно недавние, цветные. Целая жизнь, оставившая яркий след. Даже эти замершие карточки несли печать счастья, мира и радости, наполнявшие Толину семью. Вот он, ещё голоногий и нескладный мальчишка, с отцом на рыбалке. А тут все втроем в городском парке. Чёрно-белые фотографии, видимо, с лицами бабушек и дедушек, – более сдержанные, но на всех лежит отпечаток душевного спокойствия.

Ух, ты, оказывается, здесь и Ладина карточка имеется. На ней Толя держит её на руках. Когда она сделана? В памяти начал всплывать кусочек жаркого мая, конец учебного года, когда директриса решила провести «Весёлые старты» для старшеклассников. На одном из этапов нужно было пробежать, неся на руках одного из членов команды.

– Прости, что упал тогда, – Толино дыхание слегка колыхнуло прядь за ухом.

– Да что ты, – рассмеялась Лада, – это того стоило. Помнишь? Мы же выиграли! А упали только за финишем.

– Я тогда подумал, что сломал тебя, лежал и не мог набраться смелости встать. А ты вдруг, как кузнечик, выскочила из-под меня и давай орать, что мы выиграли. Ура!

Лада стояла спиной к Толе, но чувствовала его улыбку. На душе от воспоминаний потеплело, расцвело что-то. С плеч упала тяжесть стеснения, уступая место ощущению уюта.

Вечер пролетел незаметно. Женя оказался удивительным рассказчиком, сыпал забавными историями об обычаях из разных частей света. Мама Валя иногда вступала с ним в дискуссию, но чаще спорила, потому что уж слишком его рассказы походили на выдумки. Однако Женя хорохорился, как индюк, и, расхаживая по комнате туда-сюда, возбуждённо пытался доказать свою правоту. Ещё играли в «крокодила», нахотались от души, да так, что Женя грохнулся со стула.

Лишь около полуночи Лада спохватилась, что уже поздно, пора бы и честь знать. Валентина Михайловна сначала сопротивлялась, не хотела отпускать их, но потом согласилась: ей нельзя нарушать режим, иначе завтра организм накажет головной болью. На прощанье Лада искренне обняла Толину маму, а та прошептала: «Приходи иногда, девочка. Ты приносишь радость в наш дом». Толя вызвался проводить соседей в столь поздний час.

Стояла тихая летняя ночь. Они шли по тёмной улице, освещаемой лишь светом, струящимся из редких окон. Город уже спал. Огромная серебристая луна выставила один бок, словно молодая царица, возлежащая на небесном бархате.

Женя тихо семенил где-то впереди. Около одного из деревьев он остановился, бормоча под нос. В ветвях зашуршало, захлопало, а потом какая-то птица запела, защёлкала, словно перебирая тональности и проверяя голос. Удовлетворенно кивнув, Женя зашаркал дальше.

– Ты это видел? Он с птицей договорился. – Лада подозрительно глянула на Толю.

– Случайность. Не верю я в мистику и волшебство, – ухмыльнулся тот в ответ. – А вот ты, наоборот, сколько тебя помню, всегда верила в сказку, в магию, оставляла молоко домовым.

– Давно это было, – хихикнула Лада, – прошло уже. Но иногда так хочется чуда. Знаешь, такого простого, человеческого чуда.

– А поконкретнее?

– Чудной. Разве чудо может быть конкретным? Его даже потрогать не получится, только почувствовать.

Дом Лады располагался недалеко. Она даже могла, оглянувшись назад, разглядеть свет лампы над Толиным подъездом. Женя уже пытался открыть дверь, но она ему не поддавалась. Их новый знакомый злился, топал ногой, что-то бормотал, но дверь упрямылась.

Ладе вдруг расхотелось подниматься в квартиру. Эта уютная реальность, наполненная миром, добром, хорошими людьми, пением ночной птицы, с которой, она уверена, Женя договорился, не отпускала ее. Но бабушка всегда говорила: «У любой сказки есть конец. Там, где она заканчивается, начинается жизнь».

– Спасибо, Толя, вечер был удивительным. Ещё раз передавай маме Вале мои искренние пожелания и спокойной ночи.

– Пока, Лада. Надеюсь, что вечер будет иметь продолжение. А сейчас спокойной ночи, – он пожал ей руку, помахал Жене, воевавшему с входной дверью, и, развернувшись, твердой походкой зашагал в темноту.

Лада смотрела ему вслед, ощущая растерянность от сумбура в душе. Что-то сдвинулось с мёртвой точки сегодня, где-то в глубине нее, очень глубоко, там, куда давно не попадал солнечный свет и где затаился неведанный механизм. Словно какие-то древние силы пробудились, забытые, спрятанные от всех и, в первую очередь, от себя самой за семью замками.

– Всё будет хорошо, – Женины руки легли на плечи, и Лада почувствовала дрожь в теле.

– Пойдём-ка спать, Евгений Батькович. Утро вечера мудренее.

– Откуда знаешь? – прищурился Женя.

– Баба Нюра всегда повторяет.

Прислонив магнитный пяточок ключа к замку, Лада, к изумлению своего гостя, легко открыла железную дверь, и они зашли в подъезд, заканчивая столь удивительный и полный открытый день.

Часть 6

Ей редко снились сны. Говорят, что они проецируют человеческие переживания, страхи, ожидания, беспокойства или недостижимые мечты. «Видимо, ничего несбыточного на душе не накопилось, раз нет сновидений», – думала Лада. Но сегодня, едва закрыв глаза, она провалилась в какую-то кроличью нору и долго летела в кромешной темноте туннеля. Реальность происходящего ошеломила ее. Надо же, в какие игры разум играет с ней. Ощущения были почти взаврадашними. Скорость отзывалась давлением в ушах, даже слегка подташнивало, как в самолете при взлёте.

Она летела, стирая границы времени и пространства, пока стены туннеля не начали пестреть мелькающими огнями. Окружающий мир постепенно снижал скорость, наполнялся звуками, приобретал очертания. Через некоторое время Лада осознала, что сидит в движущемся скоростном поезде, а за окном проносятся тоннельные огни. Пустой вагон вздрагивал на стыках рельс, мотаясь из стороны в сторону. Ещё через мгновение состав выскочил из туннеля, и яркий солнечный свет брызнул в глаза, заставив зажмуриться.

Проморгавшись, Лада прильнула к окну. За ним мелькали пейзажи её города. Поезд свободно катился по улицам. Места были знакомые, но блёклые, как выцветшие фотокарточки. Внезапно Лада даже вздрогнула: за окном показались стены старого родительского дома, конюшня, сад. Резные ставни – особенная гордость отца – открыты, занавески полощутся на ветру. Мама любила открытые окна, говорила, что в комнатах должен гулять свежий ветер. Из конюшни вышла лошадь с жеребёнком, тот ещё пошатывался на тонких ножках, тычась мордой в материнский бок. «Значит, кобыла разродилась всё-таки», – подумала Лада.

Странно, казалось бы, дом должен мгновенно пролететь мимо окон проезжающего поезда, но время замедлило ход, давая ей насладиться, рассмотреть, вспомнить каждую забытую деталь, любую мелочь. Она почти не удивилась, когда из сада вышли родители с братом. Они весело о чем-то болтали, мама, как обычно, держала отца за руку, а второй рукой трепала брата по волосам.

С пожара они не снились ей. Никогда. Как Лада ни просила, как истово не желала увидеть семью хотя бы во сне... Так почему же сейчас? Спустия столько лет?

Родители выглядели молодыми и счастливыми. Внезапно Юра повернул голову и увидел её. Он поднял руки и начал махать со всей силы, радостно улыбаясь, подпрыгивая от нетерпения и что-то крича. Следом обернулись мама с папой. Теперь они все втроем сияли улыбками и махали ей. Мама что-то говорила, но, к сожалению, все звуки терялись где-то. На глаза навернулись слёзы, сердце билось, как сумасшедшее, отдаваясь стуком в висках. Господи, как хотелось Ладе обнять их, хоть раз.

Поезд удалялся, набирая ход, родительский дом пропал в дымке времени. И вот уже мелькают знакомые избушки бабушкиной деревни. Вон полуразвалившийся колодец, а рядом разбитая молнией старая липа. Бабушка любила ходить по воду с расписным коромыслом. Его ещё дед выпиливал, под неё подлаживал. Да вот же она, бабуля, и коромысло на плечах. Спина ровная. Какая же она красивая!

– Бабуля! – не сдержавшись, закричала Лада. А та, словно услышав, оглянулась и помахала ей в ответ.

Поезд стремительно набирал скорость, виды за окном снова слились в одну светящуюся линию. В абсолютной тишине раздался спокойный знакомый голос: «Всё будет хорошо!»

Лада открыла глаза. Что-то происходило в её жизни. Не плохое, не хорошее. Лёгкие движения, как дуновение ветерка: с одной стороны незаметное, с другой – несущее едва ощутимую прохладу. Мудрая бабушка говорила: «Поживём, увидим». Ну, что ж, поживём.

Часть 7

Как-то само собой получилось, что Женя жил у неё уже месяц, но выгнать или отправить его в больницу мыслей не возникало. Лада даже привыкла к ненавязчивому присутствию Евгения, которое освободило её от хлопот по дому.

Иногда квартирант впадал в какой-то анабиоз, застывая на месте и глядя куда-то внутрь себя. В такие моменты Ладе хотелось, чтобы это самокопание вернуло ему память, но чудо не случалось, казалось, что оно скукожилось и не высывало носа. Сны прекратились, жизнь постепенно входила в наезженную колею.

Однако Лада поняла, что события последних дней изменили её: перестало нравиться плыть по течению, хотелось что-то перевернуть, причём кардинально и решительно. Самым простым было измениться внешне.

Однажды, сентябрьским прохладным вечером, Лада зашла в салон, сияющий европейскими вывесками и уже с порога сшибающий с ног богатым антуражем. Раньше она обходила стороной подобные места, справедливо считая необоснованно дорогими. «Одни понты», – выражаясь словами сыновей. Но живем же один раз!

Администратор – молодая девочка – выскочила навстречу, усадила на мягкий, как облако, диван. Чай, кофе, сок? Чувствуешь себя суперзвездой. Парикмахер же, наоборот, оказалась женщиной среднего возраста, ровесницей Лады. Она спокойно оценила масштаб трагедии, которую придется решать, и предельно вежливо поинтересовалась у клиентки, чего бы та хотела, предчувствуя, как обычно, «чуть подровнять, да форму причёске вернуть».

– А давайте что-то креативное, на Ваше усмотрение, – подмигнула ей неожиданная клиентка.

– И красимся? – встрепенулась мастер.

– Была не была! Красимся.

Работа закипела. Вечер для всего салона пролетел незаметно быстро. Весь коллектив, охваченный творческим порывом, кружил вокруг Лады, предлагая на перебой маникюр, педикюр, формирование бровей, ламинирование ресниц и ещё кучу вещей, о которых их клиентка не слышала ни разу.

В результате уже поздним вечером из дверей салона вышла совсем другая женщина. Нет, не внешне: изменилось внутреннее состояние, мироощущение.

Увидев Ладу, Женя охнул и даже присел от неожиданности.

– Как тебе? – заговорщически подмигнула она.

– Неожиданно! Что случилось? У тебя праздник?

– Да. Пожалуй, у меня великое событие.

– День рождения? Прости, если не поздравил.

– Нет. Думаю, сегодня день смерти, – весело рассмеялась Лада, но, увидев испуганный Женин взгляд, тут же поспешила добавить, – прежняя я умерла. Начинаю жить так, как хочу, несмотря на тех, кто мешает или завидует.

Евгений одобрительно цокнул языком и хлопнул в ладоши.

– Великолепно! Ты – умница! С чего начнём?

– Что начнём?

– Ну, новую жизнь. Ты сказала, что начинаешь заново.

Лада немного задумалась. Действительно, с чего бы начать? Взяла чистый лист, ручку и... написала заявление об увольнении. Прислушалась к себе, нет ли сомнений, страха или неуве-

ренности. Нет, внутри всё сжалось, как пружина перед выстрелом, но не от страха, а от восторженного ожидания чего-то нового впереди.

Часть 8

Следующим утром начальница немного удивилась, но заявление подписала быстро, без уговоров и угроз, что ещё раз убедило Ладу в правильности выбора. Даже положенные ей две недели разрешили не отрабатывать.

Выйдя из офиса, теперь уже бывший бухгалтер пошла вдоль знакомой аллеи, где прогуливалась каждый обеденный перерыв. Тоненькие рябины склонили свои головы под тяжестью оранжевых гроздьев. Ягоды были не спелыми, кислыми и твердыми, но Лада знала, что первые морозы сделают их прозрачно-красными, сладковато-терпкими. Бабушка пекла пирожки с рябиной. Почему-то сейчас во рту явно ощущался их вкус.

Горожане уже приступили к работе, поэтому улицы городка опустели. Кое-где встречались пенсионеры, прогуливающиеся с домашними питомцами или с внуками, родители которых оставили их на попечение бабушкам и дедушкам.

Она ощущала лёгкость, бредя под осенними солнечными лучами, раскрасившими листья позолотой. Ладе хотелось понять, что может чувствовать свободный человек, когда нет мыслей о предстоящем бесконечном отчете, нет беспокойства за детей, ты здорова, одета, обута, сыта, у тебя куча свободного времени, а вокруг сияет чистотой и яркими красками золотая осень. И ты плывёшь по этому расплавленному золоту опавшей листвы, наслаждаясь тихим шуршанием, как бригантина, ведомая лихим капитаном, вернее, капитаншей, подставляя паруса вольному ветру.

– Тётя Лада, привет, – чей-то мужской голос вывел её из медленного потока мыслей.

– Кеша. Доброе утро.

– Вы не на работе? В отпуске?

– Представляешь, Кеша, уволилась. Вот иду и наслаждаюсь свободой, – Лада по-детски улыбнулась, как школьница, которой повезло улизнуть с урока.

– Вот дела! Что собираетесь делать?

– Пока не знаю, но я придумаю. А сейчас хочу пригласить тебя в гости, если ты не занят. Пошли, нажарим оладушек, как ты любишь, – она по-дружески ухватила Кешу за руку и чуть потянула.

– Это удобно? – немного смутился Иннокентий. Все-таки он уже не маленький мальчик, который бегал к ним раньше на правах хорошего друга Ладиных сыновей.

На самом деле, ему очень хотелось пойти. Почувствовать теплоту домашнего тепла, уют неспешных бесед обо всём на свете. Словно угадав его смятение, Лада уверенно потянула Кешу в сторону дома. Это была отличная идея для обоих, чтобы отвлечься и принять решение, может быть, судьбоносное. Как передышка, затишье перед бурей.

В квартире стояла тишина. Странно, куда подевался Женя? Видимо, вышел погулять или в магазин.

– Иди к мальчишкам в комнату и возьми какую-нибудь футболку, чтобы не замарать твою. А то она, поди, больших денег стоит.

– Ду ну, отец новую купит, – отмахнулся Кеша, но все-таки направился в детскую.

Здесь всё осталось там, где он помнил, даже модели самолетов, которые они вместе мастерили. Тётя Лада, помнится, таскала их в какую-то старую мастерскую, где пожилой мастер, лет шестидесяти, учил их строгать и обтачивать детали, склеивать заготовки, балансировать модель, чтобы самолет мог взлететь. И он взлетел. Кеша помнит тот момент счастья. Но домой своё творение не взял, оставил здесь, понимая, что там никто не поймет и не оценит.

Пальцы легонько пробежали по крылу, смахивая пыль, крутанули пропеллер. Может стоит взять его и выйти в поле, пусть самолет расправит свои крылья, вспомнит тот счастливый полет. Почему-то его стало жалко. Или может себя? Кто он, Иннокентий? Что сделал в свои годы? Кроме приручения шпаны, ненужной родителям, как и он. Не пора ли, наконец, перестать что-то доказывать отцу, который вечно занят, и, уж тем более, матери. Просто уехать, начать новую жизнь там, где Кеша нужен, там, где его будут любить и ждать.

Солнечные лучи бегали по потолку, словно танцую и подмигивая. Кеша нашёл растянутую старую футболку с якорем. Ну, что ж, вперед. Сегодня я лишь боцман, но завтра стану капитаном на своём собственном корабле. Весело подмигнув самолетику, Кеша зашагал на кухню.

Лада уже во всю колдовала над тестом, не торопилась, давая парню время прийти в себя.
– Ну, тётя Лада, командуй, – задорно произнес тот.

Они, как в детстве, дурачились, все перемазались сладким, пышным тестом. В конце концов, не оладушки были конечной целью кулинарии, а сам процесс. Получилась полная тарелка толстеньких и горячих лепёшек, пышущих жаром.

– Много для нас двоих. Не находишь? – подмигнула Лада.

Как будто услышав ее, дверной звонок оглушительно затрезвонил.

– Скорее всего Женя, – бросила на ходу Лада, но, открыв дверь, опешила.

Евгений пришёл не один. На пороге смущённо маячили матрос Коля и Ника.

– Вот, встретил ребят, решил пригласить на чай, – невозмутимо констатировал мужчина. – А чем это так пахнет?

– Милости просим. Мы как раз оладушек напекли.

Часть 9

Всеобщее смущение грозило перерасти в раздражение. Всё время, пока они пили чай, болтал только Женя, да Лада пыталась вторить ему, чтобы разрядить обстановку. Казалось, воздух на кухне наэлектризован настолько, что вот-вот полетят искры. Когда напряжение достигло предела, Евгений внезапно встал и хлопнул в ладоши, заставив всех встрепенуться и посмотреть на него. А потом стали происходить настоящие чудеса.

Гость сделал какие-то быстрые пассы руками, и в них появились разноцветные карты, которые, перетекая между длинными, тонкими пальцами, меняли окраску. Движения ускорялись, Женины руки мелькали перед глазами изумленной публики, а карточки вдруг изменили форму. Как это произошло, никто не заметил.

Лишь через пару минут Лада осознала, что сидит, открыв рот, как, впрочем, и ребята. Ещё через несколько мгновений мужчина сложил ладони лодочкой, спрятав там колоду, подул, потом попросил каждого внести свою лепту в чудо и тоже дунуть, но сначала загадать желание. Да не простое, а нечто самое желанное, казалось бы, несбыточное. Все искренне задумались, но ненадолго. Знаете, обычно, самое отчаянное желание у нас всегда одно. Оно живёт в нашей голове, всплывая время от времени. Первой дунула Ника, затем Коля, Лада, Кеша был последним. Женя хитро улыбнулся и встряхнул руками... Карточки пропали.

Ребята молча переглядывались, постепенно приходя в себя.

– Обалдеть, – выдохнул Кеша.

– Вы – фокусник? Наверное, в цирке работали? – Ника с интересом рассматривала пустые Женины руки.

– А кто такой фокусник? – гость вопросительно уставился на Ладю.

– Ты что-то вспомнил? – с надеждой ответила она вопросом на вопрос.

Ещё несколько минут в кухне раздавались вопросительные возгласы. Все были настолько обескуражены и удивлены, что никто не замечал отсутствия ответов. Одно бесспорно: напряже-

ние ушло. И вот уже Ника наливает всем чай, Кеша по-хозяйски раскладывает варенье в пиалы, а Коля выкладывает из своего рюкзака забытые конфеты.

Глядя на них, у Лады потеплело внутри, она благодарно взглянула на Женю, а тот лишь благодушно улыбался, как мальчишка, получивший желанный подарок.

Часть 10

Шёл четвёртый час. Лада тихонько выбралась из-под тёплого одеяла и на цыпочках подошла к окну. Снаружи начинал пробуждаться мир. Небо уже посветлело, а на горизонте, за кромкой тёмного леса, зарождалась заря. Пока несмело, осторожно потягиваясь, она лишь слегка подрумянила близлежащие облака. Но Лада знала, что уже через несколько минут небо заиграет сумасшедшими красками.

Невдалеке запел петух. Трудно назвать его крик пением, но этот задира явно вообразил себя великим тенором. Лада усмехнулась, представляя, как влюбленные куры рассаживаются на жердочках, чтобы услышать голос своего Петушка, который раздувался от гордости, распушал перья и ходил по двору гоголем, задирая даже собак, случайно забежавших на его территорию.

Пока Лада размышляла о петушином царстве, небеса начинали своё представление. Оранжево-алые волны побежали от горизонта в разные стороны. Сталкиваясь с облаками, они выплескивали на них бледно розовые а, иногда, сиреневатые брызги. Восход пульсировал, выталкивая из-за кромки леса, казавшегося сейчас почти чёрным, всё новые яркие краски, растекающиеся, как акварель, по мокрому холсту. Цвета набирали силу, оттенки становились насыщеннее, облака, пропитанные зарёй как профитроли малиновым джемом, зависли над землёй, словно замерли в ожидании. Как, впрочем, и всё вокруг.

Лада давно, ещё в детстве, заметила и полюбила это последнее мгновение, когда затихает ветер, замолкают птицы, не жужжат насекомые, не шелестит трава, листья не дрожат на ветках, а люди, если им посчастливилось не спать в такой момент, задерживают дыхание в предвкушении. Всего мгновение, три-четыре секунды... А потом горизонт прорезает первый луч солнца. С его рождением природа оживает, словно вздыхая с облегчением.

Когда-то, будучи маленькой и любопытной, Лада спросила у бабушки: «А что, если однажды луч солнца не родится утром? Всё умрет?» На что получила лаконичный ответ: «Если когда-нибудь солнце не встанет над горизонтом, то мир не умрет, конечно, но это будет уже совершенно другой мир».

Сейчас, глядя в окно на затихшую природу, Лада с замиранием сердца следила за небесным краем, сжав на груди руки, беззвучно повторяя бабушкины слова, как молитву: «Всё будет хорошо, потому что плохо уже было, но даже если что-то пойдет не так, мы сможем это исправить, поэтому всё будет хорошо».

И луч родился! Разбрасывая солнечные брызги, как святую воду, на всё вокруг. Оживляя, окрыляя, наполняя светом глаза и души тех, кто видел его рождение, кто ждал и верил.

– Разве в городе можно увидеть такую красоту?

С полатей свесились две лохматые спросонья головы. Коля, раскрасневшийся от сна, со следами от подушки на щеке, ещё раз вопросительно посмотрел на Кешу.

– А ты просыпаться не хотел. Чуть всё не пропустил.

Кеша засопел, потрянул головой, от души зевнул и снова забрался с головой под одеяло.

– Ну, спасибо тебе. Теперь я видел всё в этой жизни, – донеслось оттуда, – пожалуйста, скажи, что часа два у меня ещё есть до следующей демонстрации.

– А мне понравилось. Вернее, «понравилось» – это слабо сказано, – раздался голос Ники. Оказывается, она тихонько сидела на своей кровати в глубине комнаты.

– Знаете, человеческий словарный запас непростительно беден, потому что слов для описания красоты происходящих в природе явлений не хватает. Это нужно видеть, чувствовать, ощущать.

– Спасибо, Коля. Честно говоря, до сих пор не понимаю, как вы меня уговорили на подобную авантюру, но нисколько не жалею, – Лада искренне недоумевала, как оказалась здесь.

Ещё вчера, хотя сейчас вчерашний день казался далёким прошлым, мальчишки были врагами, а Ника – яблоком раздора. С трудом вспоминался тот переломный момент, когда причины, отталкивающие ранее, сблизили, перечеркнув прошлые обиды. А может и не было их, причин, а только фикция, внушаемая родителями с детства об исключительности и непохожести.

Взрослые сознательно дробят общество, приучая детей с малых лет воспринимать это как обычное явление, повторяя: «не дружи с этими, не гуляй с теми». Так и живём: разделённые, разделённые, порой страдающие от несправедливости, но всё равно принимающие происходящее, как должное.

Вчера случайно выяснилось, что Коля из той же деревни, где жила Ладина бабушка. Оказывается, деревня умирала, осталось лишь несколько жилых домов, остальные заброшены. «Сначала, – рассказывал парень, – люди ещё держали их как дачи, приезжая на лето или в отпуск, но со временем и такие хозяева пропали. Продать участки сложно, ведь селение располагается вдали от федеральных трасс, от городов, и даже ближайшее жилое село находилось в часе езды на машине. Поэтому хозяйства просто бросали».

Бабушкин дом оставили лишь несколько лет назад, он не успел ещё развалиться, поведаль Коля. Ладе стало так обидно и настолько жалко, как будто он был собакой, которая осталась ждать хозяина, уехавшего навсегда. Вот тут Коля и предложил.

– Давайте туда съездим. Все же свободны?

– Когда?

– Прямо сейчас, – Кеша уже воодушевился новой идеей.

– Я «за», – подхватил его запал Женя, – будет здорово.

– А где мы все жить будем? – Ника обвела всю их команду вопросительным взглядом, – нас много.

– Так у нас, – подскочил Коля. – Дом большой, места всем хватит. Я вам такие рассветы покажу, на реку сходим, можем с лесником до займки прогуляться. Соглашайтесь, – он умоляюще посмотрел на Ладу, словно она была последней инстанцией по решению вопроса о поездке.

– Остался ещё один важный вопрос: как мы туда поедём? На чём? – где-то в глубине души Лада уже согласилась на внезапный порыв молодёжи, но мозг, не привыкший к спонтанности, лихорадочно искал пути к отступлению.

– Тут всё просто, – Кеша полез в карман и выудил ключи, – кабриолетом отец меня давно снабдил. Ну что, едем?

– Только выезжать лучше сейчас, чтобы успеть засветло, – выдохнул от радости Коля.

В каком-то тумане растерянности Лада собрала наскоро вещи. Зубные щётки решили купить по дороге, как и продукты на два-три дня. Уже когда они тряслись по ухабам проселочной дороги, уходящей в сторону леса, в голове прояснилось, и затрепетала мысль: «Ты же хотела изменений, вот они начинаются. Перестань сопротивляться». И она перестала. Выдохнула, расслабилась, наслаждалась видами за окном, смеялась вместе со всеми над Жениной неуклюжестью, по-доброму, искренне.

Дорога заняла три часа, все, немного уставшие, решили лечь пораньше. Тем более, как сказал Колин дед, в деревне принято отходить ко сну вместе с солнцем, чтобы утром встретить его лучи.

Дед Василий жил один. Отправив внука учиться в ближайший город, он не надеялся, что тот вернётся обратно. Понимая всю обреченность малой родины, старик не хотел ограничивать парня. Этим он напоминал Ладе бабушку. Ей очень хотелось поговорить о ней, но она решила отложить пока разговор. Дорога утомила, глаза закрывались сами собой.

Хозяин быстро распределил спальные места, не спрашивая их мнений, а лишь констатируя факт. Парни – на полотах, девочка – на кровати в дальнем углу, Лада – у ближней стены под часами, а они с Женей – на веранде, мол, ещё не холодно, под одеялами на свежем воздухе лучше спится. Гости быстро расплозились по местам и затихли.

И вот сейчас в пять часов утра, Лада, босая, стояла у окна, кутаясь в плед, слушая добродушную перепалку парней на полотах, и понимала, как же ей всего этого не хватало. А больше всего – свободы, внутренней свободы.

Часть 11

Деревенская жизнь начинается рано. Само собой получилось, что, проснувшись, уже никто не захотел ложиться обратно, кроме Кеши, конечно. Тот ещё блаженно спал, когда Ника с дедом вывели корову и пару коз на ближайшую лужайку.

– Пусть пока свежую траву кушают, успеют ещё сеном наестся за зиму, – бормотал старик, ласково похлопывая скотину по холке.

– А вечером мы с тобой, Никушка, их подоим. Умеешь?

– Да что Вы, я подобное только в кино видела. Боюсь, корова меня не подпустит даже, неумеху такую, – зарумянилась от смущения девушка.

– Ничего, было бы желание. Раскрою тебе одну хитрость, потом к любой скотине сможешь подходить безбоязненно, – Василий усмехнулся по-доброму в седые усы.

Женя с Колей спозаранку решили улизнуть на рыбалку. Хотя первый производил столько шума, возбуждённо размахивая руками и фантазируя, какую огромную рыбу он принесёт. Потому как новичкам в любом деле везёт, а Женя – самый что ни на есть новичок. Коля временами закатывал глаза к потолку и сокрушённо вздыхал, причитая, что если тот не сможет сидеть тихо, то не видать им улова, как своих ушей. Лада похихикивала, глядя на их сборы, одновременно накрывая на стол. В конце концов рыбаки тоже отчалили, и дом погрузился в тишину.

Хотя, на самом деле, деревенские избы трудно назвать тихими. В них постоянно что-то скрипит, дышит, звенит... То сверчок запоёт, то кот по полатам затопает, то ветер на чердаке завоет.

– Дом живой, с ним разговаривать надо, – любила повторять бабушка.

– А он может обидеться? – как-то спросила её Лада.

– Конечно. Вот будешь мусорить да сверчка гонять, или пол царапать, глядишь – прищепит тебе подол дверной косяк, – усмехалась она.

Наскоро позавтракав, Лада решила проведать бабушкин участок. Дед Василий жил на краю леса, поэтому идти пришлось почти через всю деревню. Улицы поросли бурьяном, который нагло расплодился по всем брошенным участкам, кое-где превышая человеческий рост. Покосившиеся избы, казалось, с укором смотрели на проходившую мимо гостью, словно понимая: ждать от неё нечего. Заколоченные окна, местами провалившиеся кровли, покосившиеся заборы – ничто не напоминало ту тёплую, пахнущую сдобой, уютную деревню, куда Лада приезжала на каникулы.

Колин дед говорил, что в округе осталось лишь шесть хозяйств, да и те доживают свой век. Пару обжитых домов встретились ей по дороге. Хвостатые охранники, выползая из-под ворот, от удивления не лаяли, а с интересом и удивлением глядели ей вслед, но близко не под-

ходили. Похоже, не часто здесь бывали гости. Трубы дымили, значит, хозяева уже начали свой день, хлопоча по дому.

За поворотом показалась старая липа. Её ствол, изрезанный морщинами, склонился над таким же дряхлым колодцем.

– Эй, – крикнула Лада в его глубину, – привет.

– Привет, привет, – зашептало радостно эхо.

– Как дела?

– Дела, дела, – вздохнуло оно в ответ.

– Не грусти. Всё будет хорошо.

– Хорошо, хорошо, – казалось, эхо соскучилось по людям, как и липа, зашелестевшая листвой так сильно, что грозила растерять последнюю шевелюру.

Поболтав с ними ещё немного, Лада отправилась дальше. От колодца до дома пройти нужно метров сто. «Два дома да поворот», – говаривала мама. Сердце вдруг забилося, предвкусывая встречу со старым другом, давно утерянным, но случайно обретённым вновь.

Вот поворот, а за ним виднеется знакомая крыша, даже черепицу последние хозяева не поменяли. Ворота натужно скрипнули, встрепенувшись от долгого сна. Не ожидавшие гостей ставни наглухо заколочены досками поверх любимых бабушкиных наличников. Крытый двор пропах сыростью, но держался молодцом. Входная дверь, конечно, была закрыта.

С завалинки взлетела чёрная ворона, уселась на заборе, удивлённо поглядывая на гостью. На лапке блеснуло кольцо. Видимо, птица имела хозяев. Кто-то же окольцевал её, чтобы не потерять.

Через маленькую калитку Лада вышла в палисадник, а оттуда на задний двор, за которым начинался сад. Когда-то по всему периметру росли яблони, их тяжёлые ветки склонялись над забором, и любой желающий мог полакомиться яблочком. Бабушка никогда не жалела, даже иногда писала объявление, что, кому нужно, милости просим, приходите и собирайте. Сейчас осталось только четыре дерева по углам большого участка. Они, как атланты, стояли на посту, роняя никому ненужные плоды. Лада подошла к каждой яблоне, поглаживая, разговаривала и потихоньку плакала, перебирая в памяти забытые мгновенья.

Откуда-то вылез огромный рыжий кот, уселся на солнышке и принялся умываться, да так тщательно, словно собирался на свидание. Закончив свои процедуры, пушистый хозяин деловито направился в сторону гостьи, сел в шаг и, не мигая, уставился на нее. Кот явно не голодал, был упитанным, ухоженным, знающим себе цену. Лада протянула к нему руку, приглашая к знакомству и давая животному возможность самому решить, хочет он этого или нет. Кот потянулся, выгнув спину, неторопливо, по дуге стал приближаться к ней. Аккуратно понюхав протянутые пальцы, уже более уверенно подошёл и потерся мордой о ноги.

– Признал тебя, Рыжий, – раздался скрипучий голос, заставивший от неожиданности подпрыгнуть. – Прости, девонька, коли напугала.

У калитки на соседний участок стояла пожилая женщина, в сказках таких называют «дряхлая старуха». Она и впрямь выглядела необычно: на ногах кирзовые сапоги не меньше, чем сорок пятого размера, прикрытые длинной шерстяной юбкой, поверх которой красовался передник с большим карманом, полным яблок. Сверху старуха накинула душегрейку, если Лада правильно помнила название. В общем, колоритная соседка.

– Здравствуйте. Это Ваш кот?

– Он ничей. Сам по себе, как и положено быть. Сегодня тут, завтра там. Куда придет, там его и накормят. Все уже привыкли. Нас же мало здесь осталось, каждая душа наперечёт.

– Давно Вы тут обитаете? Может, помните: бабушка у меня здесь жила.

– Алевтина, что ль? Как не помнить, мы с ней по молодости мужа-то ейного, знаешь, как делили, – усмехнулась соседка, – какие только я снадобья не собирала, какими настойками

его не поила, ан нет, всё равно к Альке убог. Ну, да ладно. Не в обиде я, дело прошлое. А ты, значит, внучка. То-то смотрю знакомое что-то. Навестить али как?

– Случайно здесь. Дом бабушка давно продала. Тут вдруг узнала, что бросили его, захотелось приехать, посмотреть.

– Да, что тут смотреть, – сплюнула в траву бабка, – помирает изба без хозяев. Ещё лет пять – и всё, почитай, как звали. А ну, пошли-ка в дом. Сегодня сдоба знатно поднялась, как чувствовала гостей. Пирогов напечём, чаю попьём.

– Так не одна я приехала, потеряют, – засомневалась Лада.

– Где остановились-то? У Васьки, поди?

– Как догадались?

– Что тут мудрить? Только у него шалопай из города ещё шастает, остальные уж и дорогу забыли, – встряхнула руками соседка. – Не переживай, сейчас тесто уважим, да к вам пойдем, угощать, так всех. А к Ваське я Рыжего pošлю, он его предупредит.

– В смысле, кота? Он говорящий, что ли? – понимая, как глупо выглядит, Лада густо покраснела. Вот ведь, любительница сказок: говорящий кот привиделся.

Бабка только ухмыльнулась, погладила животное, посмотрела ему в глаза: «Иди к Васе», потом махнула рукой в направлении леса. Рыжий вальяжно, не торопясь, будто делая одолжение, вспрыгнул на забор, оглянулся на Ладу, моргнул и скрылся в листве.

– Звать тебя как?

– Лада. А Вас?

– Зови баба Дуся. Пойдем, за знакомство не грех и настойки рябиновой принять, – старуха заковыляла к своему дому.

«Вот что значит – встать с первыми лучами», – думала Лада, догоняя хозяйку. Кажется, словно день бесконечный: столько событий, и то ли ещё будет. Но ей определённо начинало здесь нравиться.

Часть 12

Изба бабы Дуси оказалась не менее колоритной, ей под стать. В сенях висели охапки разной душистой травы, отчего в носу засвербело и потянуло чихать. Лада не могла остановиться, пока не вычихала из себя всю городскую пыль, так ей показалось.

Из сеней куда-то наверх вела массивная деревянная лестница, туда шмыгнула хозяйка, прокричав чихающей гостье приглашение заходить и не стесняться. Как баба Дуся на своей хромой ноге так быстро залетела туда, осталось загадкой.

Открыв тяжелую низкую дверь, Лада очутилась в большой светлой комнате, посередине которой, по обычаю, стояла чисто побеленная печь. На стене уютно тикали ходики, и она была уверена: в них живет кукушка. Впрочем, оставалось пятнадцать минут, чтобы подтвердить догадку.

За спиной хлопнула дверь, и вернулась баба Дуся, неся кринку со сметаной и связку каких-то сушеных корешков.

– Давай-ка, мой руки, – протягивая расшитое полотенце, подтолкнула хозяйка Ладу к умывальнику. – Знаешь, как пользоваться?

Рукомойник, как называла конструкцию бабушка, был древним, почти музейным, экспонатом. Кое-где в дальних деревнях ещё такими пользовались, да садоводы порой приспособивали их в хозяйстве в отсутствии центрального водоснабжения. Устройство представляло собой небольшой жестяной бак, в который сверху заливалась вода, а дно аккуратно протыкалось железным стержнем с набалдашником. Поднимаешь его – бежит вода, отпускаешь – и отверстие плотно закрывается шляпкой. Раньше рукомойники стояли в каждом доме для умывания.

Сполоснув руки, подобрав волосы и нацепив на себя огромный хозяйский передник, Лада с радостью включилась в работу. Планировался большой пирог с рыбой, выловленной, по рассказам бабы Дуси, местным лесником. Говорят, он её умеет заговаривать, да так, что она сама на берег выпрыгивает, сплетничала бабка.

Лада толкла вареную картошку для маленьких пирожков и слушала байки старой хозяйки. Та с удовольствием доставала всё новые удивительные истории про местных жителей и этот край. Порой рассказы становились настолько неправдоподобными, что Лада про себя скептически усмехалась.

Дело спорилось, кукушка, действительно живущая в часах, успела прокуковать всего пару раз, когда они закончили, вытащив пышущие пироги из печи на стол, укрыв полотенцем.

– Пока выпечка дойдёт, у нас есть полчаса. Можем сходить в избу Алевтины, если запал не иссяк, – баба Дуся, не глядя на гостью, обтирала руки полотенцем.

– У Вас есть ключ?

– Новые хозяева оставили, когда ездили исправно. Чтобы я приглядывала да цветы поливала. А потом пропали, а ключ у меня так и остался.

– Пойдёмте, конечно.

По сравнению с обжитой соседской избой бабушкин дом казался запущенным, забытым, брошенным. Он ещё хорохорился, пытался не скрипеть рассохшимися досками, не кряхтеть кое-где подсевшими дверьми. Окна, выходившие в сад, не были заколочены, Лада распахнула их настежь, запуская свет и тепло. К её удивлению, новые хозяева мало что поменяли. Круглый стол тот же, кресло-качалка, сделанная дедом, слегка покачивается рядом. Необъятных размеров сервант красовался у стены, выпятив нижние шкафчики для солидности. А вот кровати уже новые, занавески современные, а не по старинке вышитые или украшенные кружевом, потолочная люстра по последней моде с диодной подсветкой. Вроде мелочи, но они вызвали диссонанс, казались лишними, инородными что ли.

Пока баба Дуся ворчливо сметала паутину в углах, Лада поднялась на второй этаж. Здесь когда-то был кабинет деда. Она его почти не помнила: дедушка рано умер, но из бабушкиных рассказов знала, что хозяин работал в местном совхозе механиком, чинил трактора, машины, сеялки, разные механизмы, а дома любил возиться с часами, которые раньше тикали во всех комнатах. Гонялся дед за старыми и сломанными ходиками, так как считал интересными, с историей. Одни до сих пор стоят в городской квартире: продав дом, бабушка привезла с собой только их.

Сейчас изба молчала, хотя пару часов ещё висели на стенах, они спали, укрытые серой пылью забвенья. Внезапно крыша гулко просела, словно дом горестно вздохнул. Хотелось забрать его с собой, как брошенного щенка, но ведь это не собака, в квартиру вряд ли пролезет.

Чувствуя, что расплечется, Лада быстро слетела со второго этажа и выскочила в сад. Сев на завалинку, она пыталась унять бешено колотившееся сердце.

– Что, ноет сердечко? Вижу, пожалела ты Алевтинин дом, – соседка, ковыляя, вышла следом. – Только ничего уж тут не поделаешь. Для всех однажды придет время умирать, будь то человек или изба.

Старуха сняла со связки на поясе ключ и заперла входную дверь.

– Пойдём, пора уже нам собираться к Василию.

Оглянувшись на дом, смахнув набежавшую слезу, Лада побрела за бабой Дусей, отчаянно желая вернуться.

С забора слетела чёрная ворона и примостилась на завалинке, не мигая уставившись вслед уходящим.

Часть 13

– Кеша, ты мне не веришь? Да, я тебя уверяю, та рыба была огромной. Просто невероятно огромной! Коля, ну, скажи ему.

Уже заходя с улицы в дом, Лада услышала отчаянные возгласы Жени, смех Ники и довольное хмыканье Иннокентия.

– Лада, Ладочка, – кинулся к ней взъерошенный Евгений, – они совершенно бесчувственные и неверующие. То, что я не принес пойманного гиганта, не значит же, что всё выдумка. Ты мне веришь?

Лада одобряюще и успокаивающе похлопала Женю по плечу.

– Конечно, верим. В нашей реке мелочи отродясь не бывало, – протискиваясь в дверной проем, пророкотала баба Дуся.

Молодёжь отвесила челюсти, увидев её. Лада прекрасно их понимала. Их поколение, ещё выращенное на старых русских сказках, могло увидеть в старухе легендарную личность волшебного мира, как и она некоторое время назад. Поразительное сходство.

– Фу, ну вот, хоть кто-то подтвердил вам, – буркнул Женя в сторону опешивших студентов.

– Много шуму создаёшь, – пристально глядя на него, сказала бабка, – на-ка, поставь пироги на стол.

– Ух, ты, привет, Евдокия. Какими судьбами? – из сеней вышел дед Василий. – Да ещё с гостинцами.

– До сих пор удивляешься? – усмехнулась баба Дуся. – Звон-то по всей деревне уж идет, мол, гости у Васьки. Рыжий не предупреждал что-ль?

– Приходил кошак. Блюдце сметаны умял да на сеновал ушёл, ночью мышковать будет.

Гости переводили взгляд с одного на другого, не понимая моргая.

– Простите, здравствуйте, – первой отмерла Ника. – Это Вы про кота сейчас говорили? Такого большого, рыжего. Разве он говорящий?

Лада не удержалась и прыснула от смеха. Надо же, наш человек, мечтательница.

– Скажешь тоже ерунду, – заулыбалась следом старуха, – так, понимает немного.

– Ну что ж, – хлопнул в ладоши Василий, – давайте-ка на стол собирать. Чувствую, не последние гости у нас сегодня, раз звон пошёл.

Надо отдать должное ребятам, без уговоров кинулись помогать: занесли с веранды ещё один стол, чтобы все разместились, собрали имеющиеся в избе лавки и стулья, накрыли их специальными вязаными попонами для удобства. Лада с Никой под руководством бабы Дуси накрыли столы скатертью, расставили тарелки, в центре водрузили большой рыбный пирог да корзиночки с маленькими картофельными, в кувшине – молоко, в крынке – сметана, в тuesке – мёд. Хозяин во дворе «заходил» огромный самовар. Женя расщеплял ему полешки на лучины. Работа спорилась.

С чердачного окна сеновала на них смотрел рыжий кот, шурясь на клонившееся к горизонту солнце.

– Деда Вася, а мы же хотели корову подоить! – крикнула в открытое окно спохватившаяся Ника.

– Умница, – одобрительно буркнула бабка, – про скотину подумала, значит, толковая девка. Смотри, Колька, профукаешь.

Коля, в этот момент не сводивший глаз с девушки, дёрнулся, словно его застали за чем-то неприличным, и расцвёл алым цветом, как мак на полянке.

– Сейчас и пойдем. Как раз возвращаться им пора, – засобирался хозяин, затягивая потуже ремень да накинув поверх рубахи байковую фуфайку. – Может, ещё кто-то хочет прогуляться перед ужином?

– Пожалуй, пойду с вами. Пока солнце не село, пошукаю по близости, вдруг запримечу чего, – баба Дуся подхватила одну из корзинок, висевших на стене.

Лада ещё раз удивилась местному укладу. Никто не спрашивал друг у друга разрешения. Если вещь нужна для дела, брали, потом возвращали на место. С собой приглашали, но не настаивали, приходили в гости без приглашения, но не с пустыми руками, чтобы не напрягать хозяев. Складывалось впечатление, что деревня – большая семья, живущая по своим внутренним правилам. Жители доверяли друг другу настолько, что даже животные участвовали в общении.

Вот, пожалуй, чего лишены городские жители. Доверия. Здесь двери не запирались, на окна не вешались решётки. Полуметровые заборы служили, скорее, для красоты и лишь защищали огород от диких животных.

Единение – ещё одна потеря современного мегаполиса. Где каждый – за закрытыми сейфовыми дверями квартир, обставленных дорожкой техникой, за бесконечными телефонными разговорами ни о чём. В бурлящем потоке, среди толпы людей, в одиночестве...

Похоже, гостей заразила местная деревенская сопричастность, поэтому ребята похватили куртки, направляясь следом за дедом Василием. Даже Рыжий вылез с сеновала и с независимым видом зашагал по тропинке на пастбище. Иногда в траве мелькал его хвост, но кот сохранял дистанцию.

Студенты шли вереницей и молча слушали перепалку Василия и Евдокии. А те, словно продолжая давно начатый спор, беззлобно перекидывались репликами.

– Что вы с Трофимом такие упёртые? – в который раз вопрошал дед. – Ведь знаете, что я прав, но упрямитесь, как дети малые.

– А ты нас поучи, – хмыкала бабка, – молод ещё. Мы, чай, поопытнее тебя по жизни будем.

Баба Дуся недовольно зыркала на Василия. А Лада прикидывала: интересно, сколько же ей лет, если Василий для неё молод. И кто такой Трофим? Ещё один местный житель?

– Ты, Евдокия, никак не хочешь понять, что новое нужно не отталкивать, а приспособивать под себя. Иначе оно обрушится, как когда-то всемирный потоп, на землю и смоев нашу деревню. Вы с Трофимом как эти, птицы заморские, которые головы в песок прячут.

– Страусы, – тихо подсказал Женя.

– Вот-вот, они.

– А о чем спор-то ваш? – перебил Евгений, чем вызвал недовольное шипение со стороны бабы Дуси, открывшей было рот для возражения.

– Ещё один умник, – цокнула она языком, – погоди, я ещё с тобой разберусь. Вижу-вижу, что-то прячешь.

Женя тут же ретировался подальше от разгневанной старухи.

– Не бойся, – дернул его за рукав Коля, – Дуся отходчивая. Побушует да подобрееет.

Дед только руками всплеснул да укоризненно покачал головой.

– Нечего чужих привечать, от них только беды одни. Мало что ли нам проблем принесли любители лёгких денег? Еле отвадили их, – не сдавалась Евдокия.

– Не все такие.

– Только Колька твой ещё шастает, остальные-то убёгли.

– Конечно, ты же чуть что, за метлу хватаешься, ногами топаешь да глазами свербишь.

– Вот и нет. Лада не даст соврать. Я её по-доброму встретила, – старуха в поисках поддержки оглянулась на идущую следом Ладу.

– Знаем, знаем, Рыжий тебе не дал, – хохотнул Василий.

– Вот же, усатая морда, пожаловался значит. Погоди, придёшь ещё ко мне за сметаной, – помахала бабка кулаком в сторону мелькнувшего в траве кошачьего хвоста.

За их беззлобными препирательствами не заметили, как вышли на огромную поляну, где утром Ника с дедом оставили корову и пару коз. Те мирно лежали, уставши за день бродить по пастбищу.

Евдокия, поманив за собой Женю: «Пойдем, пошушукаемся», заковыляла в сторону леса. Подождав, когда они скроются за деревьями, Лада спросила у Коли.

– О чем спорили твой дед и баба Дуся?

– Этот спор не прекращается, сколько себя помню, – нахмурил лоб парень. – Дед считает, чтобы спасти деревню, нужно пригласить людей жить здесь, разрешить провести дорогу или, на худой конец, базу отдыха открыть. Но другие против, считают, что чужаки нарушат экологию, навредят больше, чем принесут хорошего. Баба Дуся – старожил, дольше всех живёт, ещё с рождения. Правда, уже даже она не помнит, сколько ей лет. Мой дед приезжий, самый молодой, как они говорят.

– Они? – подключился к разговору Кеша.

– Здесь около шести хозяйств осталось, но почти все местные.

Кеша сорвал пахучую травинку и сунул в рот, задумчиво разглядывая божью коровку, деловито рассекающую воздух. Он вытянул руку и раскрыл ладонь. Прервав свой неторопливый полет, краснокрылый жук уселся на палец. Три пары глаз неотрывно наблюдали за ним. Аккуратно сложив сначала нежные прозрачные крылья, а затем прикрыв их жестким алым панцирем в чёрную крапинку, божья коровка покрутилась на месте, словно оглядываясь, и засеменила по ладони вверх. Кеша ловко подсунил ей вторую руку, создавая препятствия, но жучок упорно карабкался выше и выше. Усевшись на запястье, насекомое замерло.

Божья коровка,
Полети на небо,
Принеси нам хлеба.
Чёрного и белого,
Только не горелого.

Пропела Лада всплывшие в памяти слова. Жучок закрутился, закрутился, затем раскрыл крылья и полетел в закатную небесную рябь.

Ника и дед Василий уже отвязали скотину и вели её на поводу к выходу с поляны. Коля, словно замороженный, смотрел, как девушка уговаривала коз идти с ней. Со стороны выглядело забавно и мило. Однако, ей явно требовалась помощь.

– Господи, Колян, права бабка, хватит пялиться, действуй, – закатив глаза к небу, простонал Кеша. – А то я психану и отобью ее, ты меня знаешь.

Николай дернулся, как от неожиданного удара, и кинулся спасать Нику от запутавшихся в поводьях коз. Иннокентий довольно хихикнул, но, взглянув на Ладу, смутился.

– Это шутка. Его если не подстегнуть, он же ещё три года телиться будет.

– Посмотрим на твои действия, когда влюбишься, – подмигнула в ответ Лада.

– Вот тут – увольте. Я, скорее всего, женюсь по контракту, когда папе понадобится важный партнер, – не то весело, не то печально вздохнул Кеша.

– Разве можно так говорить про отца?

– Мне можно. К сожалению, я знаю, что от него ждать, только противиться его требованиям не научился. Что бы там не говорили про безответную любовь, я знаю о ней не понаслышке, – взгляд Иннокентия застекленел, лицо превратилось в злобную маску.

Но уже через мгновение парень мотнул головой, словно стряхивая обиду. Лада знала его слишком хорошо, чтобы начать жалеть. Нельзя. Не сейчас и не явно: этот мальчишка имел закаленный в боях с родственниками характер, не позволявший никакой жалости к себе, разрывая связи с теми, кто проявил неосмотрительность.

– А где у нас Евгений? – отвлекаясь от печальных мыслей, бросила Лада. – Давно его не видно и не слышно. Не потерялся, случайно?

Они закрутили головами в поисках непутёвого Жени, но его нигде не было. Догнав остальных, Кеша спросил про него деда Василия, на что тот махнул рукой в сторону леса. В этот момент на противоположной стороне поляны появилась баба Дуся. Её корзинка, прикрытая листьями, явно наполнилась чем-то доверху. Рядом семенил Женя, виновато смотревший под ноги. Ощущалось между ними какое-то напряжение, отсутствующее ранее. Что могло произойти?

Обратно дошли молча, каждому было о чём подумать, а лесная тишина способствовала самокопанию как нельзя лучше.

У калитки их встречал кот Рыжий. Когда успел вернуться раньше всех? Рядом с ним сидел вислоухий пегий пёс неопределённой породы и ...улыбался от уха до уха.

– Здорово, Дружок. Что, хозяин на подходе? – ласково потрепал собаку по загривку дед. – Знакомьтесь, Дружок.

Пёс, словно получив команду, принялся бегать вокруг, радостно виляя хвостом и создавая суматоху. Ребята посвистывали, хлопая себя по коленям, но Дружок, решив, что с ним играют, кружил рядом, не давая в руки.

Рыжий скептически вздохнул, глядя на сей бардак, и величественно удалился на сеновал.

Часть 14

Солнце уже коснулось горизонта, когда довольная Ника вынесла целый бидон самостоятельно надоенного молока.

В дом заходить не хотелось, хотя в воздухе чувствовалось, как подбирается осенняя ночная прохлада. Решили вынести столы и лавки на улицу. Пузатый самовар, заждавшийся гостей, важно подбоченясь, пыхтел о готовности.

Евдокия разливала по кружкам чай, хитро поглядывая на пса, который терся у ног, выпрашивая очередное угощение. Дед Василий запретил его баловать, но ребята потихоньку скармливали ему под столом кусочки печенья, привезённого из города.

К вечеру всех немного разморило. Свежий воздух и отсутствие интернета сделали своё дело. Лада чувствовала, как в голове проясняется, тают переживания и сомнения. Она заметила, что лица студентов тоже посветлели: значит, обновление затронуло не только её.

Небо готовилось явить миру чудо. Действующие персонажи спектакля скрупулезно и ответственно готовились к выходу на сцену. Птицы распевались на все лады, ветерок пробегал по веткам, слегка перебирая их, словно гитарные струны.

Внутри дома что-то загрохотало, в сених возник низкий гул, как будто ударили в латунный таз. Все гости разом обернулись на дверь, удивленно переглядываясь. К шуму добавились ворчание, чертыханье и топот тяжёлых ног. Кто-то большой и неповоротливый вошёл в дом со стороны улицы и сейчас пробирался к выходу в сад, где они расположились.

– Он опять раскурочит мне все сени, – горестно посетовал дед Василий. – Почему бы не обойти с улицы, я ему там специально калитку сделал. Нет, упорно ломится через дом.

В этот момент дверь распахнулась, и оттуда с трудом, кряхтя и бормоча, выбрался мужчина. Сказать, что он был огромным, значит, ничего не сказать. Человек – гора, расправив плечи, удивительно обаятельно улыбнулся.

– Всем привет. Чуть не опоздал, но у меня корова отелилась, не мог раньше.

– Заходи, Трофим. Знакомьтесь, наш лесник. Лучший следопыт в округе, – ласково потрепала вошедшего по плечу Евдокия, чем удивила всех ещё больше.

– Василий, я тебе там в сених поронял кое-что, но я завтра приду, всё исправлю, – виновато прогудел великан.

Дед в ответ только махнул рукой.

Трофим подошёл к каждому за рукопожатием. На Ладу посмотрел более пристально, но промолчал. Ребята, уже уставшие удивляться, просто пододвинули новому гостю стул, а Ника налила горячий чай.

Порывшись в своем заплечном мешке, лесник выудил целый туес ярко-красной, почти малиновой, клюквы. Лада сразу почувствовала кислый привкус на языке. Бабушка привечала эту ягоду. Осенью обязательно покупала её на рынке и замораживала на зиму, повторяя, что клюква – кладёз витаминов. Кинув горсть в кружку с чаем, она тут же заслужила одобрительный кивок бабы Дуси.

Студенты кинулись задавать Трофиму вопросы про теленка, про зверей, живущих в лесу: есть ли медведи, спят ли они зимой, выходят ли к людям. Лесник с удовольствием на них отвечал, чувствовалось: великан соскучился по общению.

– А ну, цыц, – вдруг громко цыкнула Евдокия, – начинается.

Парни удивленно закрутили головами, не понимая, чего все ждут. Василий уселся на завалинке, Трофим, подстелив фуфайку, расположился прямо на траве. К нему тут же пристомился Дружок, устроившись под тёплым хозяйским боком. Баба Дуся откинулась на спинку стула, вытянув ноги. Ребятам ничего не оставалось, как усесться на лавки и наблюдать за происходящим.

Лада знала, чего ждать, но всё равно оказалась не готова, потому что каждый раз был неповторим.

Небеса начинали своё представление. Солнце стекало за горизонт, образуя багрово-оранжевые ручьи, растекающиеся где-то за облаками. Птицы немного пафосно исполняли гимн, прославляющий торжество природы. Уставшее светило меняло цвет, тускнея на глазах. Его сияние перешло к облакам, приобретающим оранжевые, алые, бордовые и, наконец, фиолетовые оттенки. Чем ниже садился солнечный диск, тем насыщеннее становились лиловые тени.

С последним лучом, скрывшимся за линией горизонта, стихли птицы, в доме тихо затрепещал сверчок, словно переняв вахту от пернатых. Сумерки опускались плавно, как финальный занавес, заканчивающий спектакль. Сразу стало ощутимо прохладнее.

Лада поежилась, закутываясь поплотнее в дедовскую фуфайку, заботливо выданную ей для тепла. Студенты, позевывая, начали собирать посуду со стола под чутким руководством Евдокии. Трофим с Василием зашли в сарай за каким-то инструментом. Лесник собирался завтра на заимку, чтобы подлатать прохудившуюся крышу.

Когда все уже готовы были разойтись, пожелав друг другу спокойной ночи, Кеша, весь вечер молчавший, вдруг спросил.

– Трофим, можно мне завтра с Вами пойти на заимку?

Лесник удивлённо поднял лохматые брови и уставился на парня сверху вниз, не понимая, какой резон городскому красавчику напрашиваться с ним.

– Вы не думайте, обузой не буду и с крышей помогу.

Трофим, переминаясь с ноги на ногу, медленно раздумывал, но, видно, брать чужака ему не хотелось.

– Возьми его, Троша, – раздался за их спинами бабкин скрипучий голос. – Может, и впрямь сгодится.

Лесник кивнул, протянул Кеше для рукопожатия огромную ладонь, пообещав зайти утром в пять. Потом свистнул пса и вышел через калитку в сад, вспомнив про наставления Василия. Следом ушла баба Дуся, прихватив корзинку, принесенную из леса. Никто в неё так и не заглянул. Что уж она там насобирала?

– Что ты задумал? – Женя тихо подкрался к Кеше.

Тот округлил удивленно глаза, показывая непонимание.

– Тогда я с вами пойду, – уверенно произнёс Евгений, – можешь даже не возражать.

– Не собираюсь, – усмехнулся Иннокентий, – немного обидно слышать недоверие в твоих словах. А дорога по силам ли? Судя по всему, Трофим – не любитель бесполезных прогулок. Значит, придётся идти в хорошем темпе.

– Ничего, не смотри жалостливо, я справлюсь, – подбоченился Женя.

Лада их разговор слышала уже в полудрёме, поэтому особого значения не придавала. Тиканье ходиков, шуршание ног, тихий треск сверчка под печкой мирно убаюкивали, словно мамина колыбельная. Ещё мгновение – и Лада провалилась в глубокий сон.

Часть 15

По странному стечению обстоятельств деревня не давала Ладе долго валяться в постели. Если бы она в четыре утра проснулась в городской квартире, то либо снова уснула, либо потом целый день зевала и чувствовала себя разбитой.

Здесь второй день солнце будило её очень рано, но тело было лёгким, голова светлой, а настроение бодрим. Хотелось прыгнуть с кровати и бежать заниматься кучей неотложных дел. Только вот проблема, дел-то пока никаких не предвиделось. Огород уже подготовлен к зиме, скотину Ника с дедом снова увели на пастбище, на кухне колдуют Кеша с Женей. Странно, что в такую рань поднялись.

– Ребята, а вы куда собрались?

– С Трофимом на заимку прогуляться, – весело откликнулся Иннокентий.

– Далеко?

– Думаю, не близко. Но Женя твердо намерен идти с нами.

Лада с сомнением посмотрела на мужчину. Тот выглядел немного растерянным, но после Кешиных слов набылся. Понятно, не отступится.

– Тогда я с вами, – вырвалось первое, что пришло на ум.

– Да Вы что, тётя Лада! Трофим меня брать не хотел, а тут сразу трое.

– Ничего, уговорим. Мы же сюда не лежать приехали. Правда?

Появившаяся цель воодушевила, заставив действовать быстро и четко. Умыться, одеться, положить в рюкзак пару носков и запасной свитер. Напомнить Кеше, что нужны перчатки для работы на крыше, чтобы не занозить руки. Парень возмущенно крикнул, но мешок расчехлил, добавив туда ещё одну пару носков, бутылку воды и нож. Лада вспомнила, что с вечера остались пирожки, выглянув в сени, отыскала корзину, тщательно обернутую холстиной. Половину переложила в свой рюкзак, остальные оставила Нике с Колей и деду Васе.

В окно тихонько стукнули. В этот раз лесник зашёл с улицы, думая, что гости ещё спят. Каково же было его удивление, когда они вывалились ему навстречу.

– Доброе утро, Трофим, – затараторила Лада, – мы решили пойти с Вами.

– Я их отговаривал, – видя его сомнения, оправдывался Кеша.

– Все заняты делом, – вздохнул Евгений, – а мы сидим, как будто ненужные.

Его слова прозвучали так жалобно, что Трофим сдался.

– Хорошо, уговорили. Только идти придется добрым шагом, чтобы к ночи вернуться.

Лада с Женей согласно закивали, победно улыбаясь друг другу.

Попрощавшись с Колей, вышедшим на шум, и объяснив ему, куда собрались, их разношёрстный отряд направился в лес

Лесник не шутил: идти пришлось быстро. Что для великана «добрый шаг», то для остальных мелкая рысь. Трофим шёл молча, чувствовалось, немного злился. Но через пару-тройку километров сжалился и снизил скорость. Женя, уже покрывшийся испариной, незаметно выдохнул.

Тропинка бежала, петляя среди берез, почти растерявших листву, от чего лес казался прозрачным и светлым. Незнакомые птицы перелетали с ветки на ветку, с любопытством рас-

смагивая путников. Жаль, что не было времени для наблюдения за ними. Пару раз рядом с тропинкой, в траве, мелькала колючая ежиная спинка. Белки, нисколько не боясь, спрыгивали с веток вниз, словно ждали угощений, но Трофим не останавливался.

Чем дальше они уходили в лес, тем темнее становилось, чаще встречались хвойные деревья. Вскоре небо лишь иногда просвечивало сквозь мохнатые верхушки елей и пихт.

Пару часов спустя лесник объявил привал, но предупредил: недолго, лишь воды попить да ноги размять. Они как раз дошли до небольшой речки. Оставив их на берегу, Трофим ушёл проверять лосиные кормушки.

– Как ты? – Женя участливо склонился над Ладой, вытянувшейся в траве во весь рост.

– В порядке, с непривычки спина устала немного. А ты?

– Внешность обманчива, – загадочно произнес Евгений, – для меня дорога не в тягость, а в радость.

– Вот, это и удивительно, – подал голос Кеша, – сколько Вам лет?

– Не помню. Не важно. Чувствую себя прекрасно – вот, что главное.

– Ну да, ну да, – задумчиво пробормотал парень.

Трофим появился также незаметно, как и ушёл. Вернулся он не один, а с Дружком. Пес, радостно махая хвостом, обнюхал всех присутствующих, словно здороваясь, но в отличие от вчерашнего дня не ластился, не играл, не выпрашивал вкусняшки. Здесь Дружок был на службе и четко знал своё место.

Лесник коротко сообщил, что кормушки целы и не требуют ремонта, поэтому можно продолжать путь. Маленький отряд, перейдя реку в брод, зашагал дальше.

Привалов больше не планировалось, потому что идти осталось ровно столько же. За всю дорогу Кеша задал лишь пару вопросов.

– Где был пес? Как он нас нашёл?

– Я ему давал задание, – коротко бросил лесник, – выполнил и прибежал. Собаки не могут потеряться. А вот ты, если будешь тратить силы на разговоры, выдохнешься.

Сказано без злобы, просто констатируя факт, но Кеша немного обиделся, надулся и замолчал.

Быстрый темп не давал возможности крутить головой по сторонам. Сначала Лада пыталась рассматривать деревья и птиц, но поняла, что так сбивается с ритма и начинает отставать. Кроме того, тропа, исчерченная корнями деревьев, требовала постоянного внимания, чтобы не клюнуть носом в землю, споткнувшись.

Женя шёл впереди неё смешной подпрыгивающей походкой, словно совсем не устал. Вообще, в деревне он опять значительно помолодел, выглядел свежим и бодрым. Лишь один раз странный гость менялся лицом, когда ходил со старухой в лес. Ладе не давал покоя вопрос: что она ему сказала? Но мужчина молчал, а у бабы Дуси никто спросить не решился бы.

Размышления прервал внезапно остановившийся Трофим. Он прижал палец одной руки к губам, призывая молчать, а другой приказывая отойти под раскидистые лапы ближайшей ели. Отступив в тень дерева, лесник схватил пса за ошейник и притянул к своему колену. Собака покорно села, настороженно подняв уши.

В лесу затрещали сухие ветки, закачались тяжелые еловые лапы, и на тропинку вышел огромный чёрный лось. Голову сохатого украшали развесистые рога. Зверь стоял настолько близко, что можно было разглядеть слегка подрагивающий мокрый нос и почуять его мускусный запах. Перебирая длинными ногами, лось оглядывался по сторонам, чутко прислушиваясь к звукам.

Лада так боялась спугнуть лесного красавца, что закрыла рот руками, стараясь дышать тише. Кеша вжался в ствол, настороженно разглядывая сохатого. Когда-то давно он видел лосей в зоопарке, но их лесной собрат выглядел больше, увереннее и свободнее.

Зверь тряхнул головой и медленно пошёл в глубь леса. Некоторое время ещё слышался хруст сухостоя под его грузным телом.

Когда всё стихло, отряд вышел из укрытия. Восторг от увиденного переполнял каждого, но слов, чтобы выразить его, не находилось. Лада похлопала по спине Женю, зашедшегося кашлем от переизбытка эмоций. Трофим наконец оттаял, наслаждаясь их реакцией. Но дал им лишь десять минут, чтобы прийти в себя. Дальше шли быстрее: то ли уже втянулись, то ли чувствовали близость заимки.

Если бы Дружок не тьякнул тихонько от радости, Лада прошла бы мимо. Избушка, почти незаметная среди деревьев, внезапно появилась перед ними, как будто некий художник, взяв кисть, набросал её парой небрежных мазков. Ни забора, ни другой ограды. Неказистый сруб, маленькие окошки, низкая дверь.

Трофим первым зашёл в дом, закрытый снаружи на обычный замок. Чужие здесь не ходят, а вот звери могут залезть из любопытства. Внутри, конечно, тесновато, зато зимой проще протопить. Печка – буржуйка, стол, скамья, да полати – вот и всё хозяйство. В углу сложены дрова, на столе керосиновая лампа, бутылка с керосином на полке да пара ящиков с консервами. Лада вспомнила бабушкины рассказы про охотников, которые, уходя с заимки, всегда оставляли что-то для следующих проходящих, будь то продуктовый запас, спички или охапка сухих дров.

Трофим, быстро сбросив заплечный мешок, полез на крышу осматривать ущерб. Оттуда он свистнул Кешу, и работа закипела. Лесник с Иннокентием – на крыше, а Женя снизу подавал то инструмент, то доску.

Лада, предоставленная самой себе, ходила вокруг, с наслаждением впитывая лесную благодать. «Жаль, что люди лишены возможности видеть эту красоту», – думала она. Кто-то боится идти в лес, кого-то не пускают дела, некоторые считают себя туристами, но ходят только изведанными людными маршрутами. В такую глухомань забираются лишь лесники да охотники.

Вторых Лада недолюбливала. Не понимала, что за хобби такое – убийство зверей. Вот раньше племена охотой добывали пропитание, но лишнего не брали, уважали зверя, даже просили у него прощения и благодарили за то, что дал им пищу. А сейчас охотники убивают ради развлечения и наживы.

Если бы можно было привозить в такую глушь детей, учить их здесь. Пусть недолго, пусть месяц, но, оторвавшись от гаджетов, их головы посветлеют, появятся мысли, с ними станет интересно дискутировать.

Лада не заметила, как сошла с дорожки и углубилась в лес. Разговаривая сама с собой, брела по жухлой траве, подпिनывая упавшие шишки, раздвигала руками пихтовые ветки. Так увлеклась, что чуть не свалилась с обрыва, внезапно образовавшегося прямо перед ней. Осторожно заглянув за край, внизу увидела речку, весело журчащую по серым гладким камням. Скорее, даже ручей, бежавший по лесному оврагу.

Поискав глазами спуск, Лада медленно пробиралась по краю обрыва. Страх высоты у неё не наблюдалось с детства, а вот с осторожностью природа явно пожадничала. Через пару метров стало понятно, что спуска по близости нет, поэтому лучше вернуться. Вот ту-то и начались проблемы.

Тропинка, с которой Лада вышла на край оврага, растворилась в траве. Пытаясь припомнить приметы, пристально рассматривая дорожку вдоль обрыва, она искала хоть что-то, что могло указать на направление. В какой-то момент ей показалось – нашла. Лада свернула в лес и пошла, как ей думалось, в обратную сторону.

Часть 16

Замечали ли вы такую странность? Когда ты идёшь по знакомому лесу или путешествуешь в компании, он кажется дружелюбным, красивым, таинственным, одухотворяющим. Но как только остаешься один на один на незнакомой поляне, чувствуешь, что потерялся, лес меняет улыбку на оскал, воодушевление – на настороженность. Милые шорохи становятся пугающим треском, шум деревьев зловещим. Мир сужается до узкой тропинки, по которой ты идешь, надеясь в правильности выбранного направления среди множества таких же.

Однажды, где-то в возрасте шести лет, Лада потерялась, когда они с бабушкой ходили по грибы. Всего пара шагов в сторону... Это всегда происходит именно так. Момент, когда человек осознает, что потерялся, неуловим. Только сейчас ты был не один, разговаривал с кем-то, как вдруг что-то происходит, как будто за твоей спиной незаметно сменили декорации. Оборачиваешься – сзади никого, тишина. Словно по щелчку накатывает волна паники, с большой скоростью, как цунами: когда внутри всё дрожит, когда нет ни одной мысли в голове, замирают все звуки, кроме бьющегося в висках страха.

В тот раз Лада поддалась, до сих пор при воспоминании о том дне во рту появляется противный привкус крови. Она так сильно испугалась, что прикусила губу. Бабушка, оказавшаяся совсем недалеко, успокаивала её всю обратную дорогу. А дома на следующий день посадила Ладу перед собой и долго, обстоятельно объясняла, что та сделала не так.

Паника – твой первый враг, – говорила она, – как изголодавшийся зверь, начинает грызть изнутри, лишая способности здраво мыслить. Поэтому сначала, старайся успокоиться. Сядь и расслабься: начинай медленно и глубоко дышать. Сосредоточься на вдохе и выдохе. Когда почувствуешь, что в голове прояснилось, сердце бьётся тише – осмотришься. Покричи, не бойся: люди могут быть недалеко; не сходи с тропы, как правило, протоптанные дорожки ведут к жилью... Все советы потом пригодились внучке не раз, сделав то, что не смогла бы сделать армия психологов – Лада не перестала любить лес, не боялась его.

Пройдя по тропе пару метров, она поняла – не та дорожка. Приливная волна паники подкатывала с тошнотворной скоростью. Лада села на поросший мхом пенёк и, закрыв глаза, начала глубоко дышать. Вдох – лесной воздух заходил внутрь со свистом, наполняя лёгкие прохладой. Выдох – горячее дыхание выплёскивалось вместе со страхом. Вдох – сосредоточиться, выдох – успокоиться. Вдох – настроиться на позитив, выдох – всё будет хорошо.

Придя в себя, подавив отчаяние, Лада огляделась. Тропинка протоптана явно не звериными лапами и копытами. До водоёма тут далековато, а лесные жители – не люди, не ходят проторёнными дорогами. Значит, она может вывести к жилью. Хорошо. Но ребята её потеряют – это плохо. Нужно оставить какие-то ориентиры для себя и тех, кто будет искать. Вернувшись к оврагу, она нашла приметное дерево у тропы. Разорвав носовой платок на четыре части, одну из них привязала на ветку. Достав из кармана бесполезный телефон, попыталась найти сигнал, но тщетно. Тогда она написала СМС Кеше, чтобы сообщение ушло сразу, как появится возможность.

Ещё раз окинув взглядом местность, Лада уверенно зашагала по широкой утоптанной лесной дорожке.

Часть 17

Неизвестно сколько прошло времени, но солнце, мелькавшее среди верхушек, уже перевалило за полуденный рубеж. Лес жил своей жизнью, не обращая никакого внимания на путницу. Птицы, перелетая с ветки на ветку, передавали свои новости по эстафете. Дятел – тру-

дыга беспрерывно стучал по стволу старой сосны. Белка, мелькнув пушистым хвостом, прятала на зиму орехи и семена то тут, то там.

На тропинку неожиданно выскочил заяц. Он был серый, немного облезлый, словно потрёпанный. Увидев Ладу, ушастый почему-то не испугался, наоборот, поспешил ей навстречу, запрыгнул в подставленные руки и доверчиво замер. Может домашний? – промелькнула мысль. Значит, жильё недалеко.

Впереди, сквозь еловые ветки, забрезжил свет, и тропа уперлась в огромную лужайку, залитую солнцем. На противоположной стороне, у кромки леса, притулилась кособокая избушка, рядом выстроились в ряд десяток ульев. Пасека казалась безлюдной, но из трубы вился едва заметный дымок.

От радости колени задрожали так сильно, что Ладе пришлось обхватить стоящую рядом осину. Прижавшись к ней щекой, она закрыла глаза, чтобы успокоиться перед тем, как пересечь поляну и выйти к людям.

– На Вашем месте я бы этого не делала, – чья-то рука легла на плечо.

И без того ослабшие колени подкосились, и Лада стекла по стволу на жухлую траву. Руки разжались, заяц скатился на землю, ловко кувыркнувшись в воздухе.

– Не пугайтесь, – тихо прошептали за спиной, – не хотела Вас пугать, простите.

Судорожно выдохнув, Лада обернулась. На тропинке, виновато переминаясь с ноги на ногу, стояло юное существо лет пятнадцати. По внешнему виду невозможно было определить девочка или мальчик. На ногах мягкие мокасины, явно ручной работы, защитного цвета штаны и куртка, а на голове кепка, закрывающая пол лица.

– Простите, – ещё раз пискнул ребенок.

– Ты кто? – резко бросила Лада, но, спохватившись, взяла себя в руки. – Меня зовут Лада. А тебя?

– Мирослава. Но родители кличут Мирой, а, если сердятся, то Славкой, – незнакомка улыбнулась, и стало видно, какая она красивая.

Ярко зелёные глаза блестели как весенняя листва, веснушки весело топорщились на курносом носике, белоснежная улыбка и ямочка на подбородке вызвали неподдельное любование. Может это лесная нимфа над ней потешается, промелькнуло у Лады в голове.

– Нельзя идти на пасеку, – нахмурилась Мира, подняв на руки зайца и потрепав его за ушами. – Там какие-то незнакомые люди поселились, недобрые, тёмные. Вот из Ушастика моего хотели суп сварить, я слышала. Пришлось тайком его выпустить.

– Стоп, – замотала головой Лада, – давай сначала. Ты кто и откуда?

– Да, я за вами, почитай, от самой деревни иду. Батя запретил, просила его, просила. Не честно же, – тут Мира даже кулачки сжала, – люди новые приехали, он знакомиться пошёл, а мне нельзя. Почему?

– Трофим – твой отец? – догадалась Лада.

Девочка кивнула.

– Где же вы живёте? Судя по всему, не в деревне.

– Нет, мы в лесу живём. У нас дом большой, хозяйство, пасека. Мама коз недавно завела, а то раньше только корова была.

– Большая семья?

– Семь человек – мама, батя, три старших брата да Стёпка – младший.

– Интересно, – задумчиво пробормотала Лада, – как же вы здесь живёте?

– Нормально. Работаем, вечером играем, родители нас всемо учат.

– Значит, ты можешь меня на займку отвести? Я смотрю, лес знаешь, как свои пять пальцев. Кстати, а зачем ты за мной пошла? Могла бы на займке остаться.

– Познакомиться хотела, да стеснялась, а потом поняла – потерялись. Когда увидела, что на пасеку идёте, решила остановить Вас. К Лешему сейчас опасно идти.

– Леший? У вас здесь что, лешие водятся? – опешила Лада.

– На самом деле, пасечника зовут Алексей, Лёша, – тихо засмеялась Мира, прикрывая рот ладошкой. – Лёша – Леший. Поняла?

– Ладно, побежали-ка обратно, хохотушка, вдруг Лёше нужна помощь. Надо рассказать нашим.

Девушка тут же стала серьёзной, вмиг повзрослев. Теперь уже на тропинке стояла не весёлая беззаботная девчонка, а собранная молодая женщина. Лада удивилась метаморфозе, надо же, как Женя. Сунув Ушастика в заплечный мешок, Мира шепнула: «Не отставайте», и пружинистой походкой легко и быстро пошла по лесу, свернув с протоптанной тропы.

Лада в свои сорок пять была в хорошей физической форме, как она думала, но тут ей пришлось почти бежать за Мирославой. Худенькая фигурка мелькала впереди, бесшумно двигаясь среди деревьев, словно летела по воздуху, не приминая траву. Удивляться Лада не успевала, поскольку сосредоточилась на скорости, чтобы не сбиться с ритма. Когда сил уже практически не осталось, девушка резко затормозила, прижала палец к губам и осторожно раздвинула лапы ближайшей ели.

Кеша, чертыхаясь, колот дрова. Топор с глухим стуком входил в сухое полено, раскалывая его пополам. Женя подбирал разлетевшиеся деревяшки и относил в избу. Трофима не было видно. Похоже, Ладу ещё никто не потерял.

– Чёрт, – раздался над поляной Кешин вопль. Топор застрял в очередном полене намертво. Уж он его и так, и эдак, и об землю, инструмент не поддавался.

– Вот глупый, – хихикнула Мира, – теперь придется батю звать.

– Пойдём, – спохватилась Лада, – нам надо его предупредить.

Она решительно раздвинула ветки и пошла к дому. Кеша увидел её первым и радостно замахал руками.

– Тётя Лада, а мы уже начинали беспокоиться, где же Вы...

Замолчав на полуслове, парень с удивлением смотрел ей за спину.

– Вы не одна? Привет, парень. Потерялся?

– Сам ты, потерялся, – дерзко усмехнулась Мира, – даже дрова наколоть не можешь.

– Почему не могу? – завелся Кеша. – Ты что ли лучше можешь? А ну, давай, покажи. – хитро сощурившись, студент подсунил полено с застрявшим в нём топором.

Дернув ручку пару раз для верности, вызвав усмешку у соперника, Мира скинула с плеч мешок, порылась в нем, достала небольшой молоток и деревянный клинышек. Из дома вышел Женя, увидев готовящееся представление, сложил руки за спиной и с интересом следил за движениями рук Мирославы. Присев возле полена, закрыв спиной обзор, она несколько раз тукнула, пару раз стукнула и топор оказался в её руке.

Лицо Кешы вытянулось от удивления, но, когда Мира, подхватив топор двумя руками, расколола огромный чурбан пополам, парень потерял дар речи. Женя весело засмеялся, всплеснул руками и, подбежав к девушке, пожал руку.

– Здорово ты его уделала!

– Это девчонка? – тихо спросил Кеша у Лады. – Блин, – тоскливо протянул он, получив утвердительный ответ. – Теперь Женя мне проходу не даст, ещё и Коле с Никой расскажет.

– Конечно, расскажу, – Евгений, услышав его, потёр руки, – такая удача. Не всегда же тебе потешаться над другими.

– На самом деле, это просто, – вмешалась Мира, – нужно знать одну хитрость. Хотите, покажу? – она миролюбиво переводила взгляд с одного на другого.

– Славка, – раздался сердитый рык Трофима, – какого лешего ты здесь делаешь? – огромная фигура лесника показалась в дверном проёме. В одной руке он сжимал молот, его рукоять трещала от ярости мужчины.

Мира испуганно пискнула и отскочила в сторону леса, готовая бежать со всех ног.

– Я тебе что наказал делать? Опять свой нос суешь, куда не следует? – бушевал Трофим, грозно приближаясь к их компании.

Внезапно Иннокентий встал между ним и девушкой.

– Простите, что тут происходит? Может нам кто-нибудь объяснить?

– Я могу, – вступилась Лада. – Трофим, тебе надо её выслушать. Там какая-то беда на пасеке случилась.

Услышав это, лесник тут же положил молот и поманил дочь пальцем.

– Иди уже, горе луковое, рассказывай. Кстати, это дочь моя, Мирослава. Та ещё непоседа. И в кого только такая уродилась? – горестно вздохнул великан, представляя девушку всем присутствующим.

– Давай, Мира, рассказывай, что там стряслось у Лешего?

Мирослава кратко пересказала то, что Лада уже слышала. Трофим слушал внимательно, хмурия густые брови и задумчиво поглаживая усы.

– Придётся нам здесь задержаться, – наконец, произнес он. – Сегодня заночуем здесь, я ночью наведаюсь к Лешему, проверю.

– Мы с Вами, вдруг помощь нужна, – вскочил Кеша.

– Нет, – резко осадил его лесник, – это не обсуждается. Спорить не нужно, – зыркнул сурово глазами в сторону Жени, который собирался возмутиться. – Все сидят здесь и не мешают мне. Ты в том числе, – ткнул он пальцем в Миру. Та лишь согласно кивнула.

Солнце забежало за верхушки деревьев, в лесу становилось прохладнее. Евгений собрал разбросанные полешки, Трофим, отправив дочь топить печь, развернулся к Кеше и, словно невзначай, произнес.

– Мира – наивный ребёнок, проживший в лесу всю жизнь. Она не знает обмана, не умеет лгать, в общем, не искушенная мужским вниманием. Поэтому я тебя, парень, предупреждаю, обидишь её – разорву, – хлопнув опешившего студента по плечу, лесник ушёл в сени собирать инструмент.

– Тётя Лада, я что, похож на змея-искусителя? – растерянно пробормотал парень.

– Похож, Кеша, ой, как похож, – успокаивающе потрепала она его по макушке, – красивый, умный циник, чем не змей?

– Да ладно, она же девчонка совсем. Ну сколько ей? Четырнадцать? Пятнадцать?

– Семнадцать.

– Сколько? Почти взрослая. Но вредная. Так что, нет. Даже за мешок золота не уговорите меня подкатить к такой занозе, – Кеша уверенно кивнул, словно ставя точку в этом вопросе, и отправился в дом, прихватив злосчастное полено.

Лада, тихо улыбаясь, шла следом, думая о том, что жизнь иногда меняет декорации так быстро, что люди не успевают заметить и осознать сей момент. Казалось, ещё вчера, на старой автобусной остановке она увидела старого избитого мужчину, а сегодня она вместе с ним в лесу, среди других, не менее удивительных, персонажей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.